ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации об'единений советских писателей РСФСР

№ 14 (183) 23 МАРТА 1932 г. Цена 10 к.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

1 страница
Письма П. Слетова, И. Катаева, К. Зелинского и П. Павленко зарубежным друзьям.
Творческий отчет В. Луговского. Дискуссия о «Ведущей оси».

2 и 3 страницы
100-летие со дня смерти Гете.
Л. Авербах.— В начале было дело. Ф. Шиллер.— Гете и современность. Р. Роллан.— Умирай и созидайся! Отрывки из «Фауста» в неопубликованных переводах В. Я. Брюсова, М. Розанова.— Из литературной истории.

4 страница
Смотр молодежной литературы: о книгах А. Зуева и Шипилина.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ: Н. Асеева, А. Грудской, С. Динамова, В. Залесского, С. Колесниковой, А. Малышкина, Н. Огнева, М. Россовского, А. Селивановского, И. Сельвинского, М. Скачимского, М. Субоцкого, С. Тарасевича и Г. Тартана.

Письма зарубежным друзьям

Джону Дос Пассосу

Дорогой товарищ!

Двое советских писателей, которые пишут вам, является в Москве, по эту сторону океана, и вашими читательными четателями. Большая часть напи-санного вами — как вы вероятно знаете — переведена и издана на русском языке: от «Трех солдат» до «Манхэттена» и «42-й параллели». Издается и 19-й том. Ваши произведения вошли в круг наших творческих споров. И это понятно. Оригинальность и смелость некоторых ваших художественных приемов, сила изобразительных средств вызывают потребность раскрыть их принципиальную, идейную сторону. Почему?

Мы все здесь, в стране Советов, участвуем сами пионерами и забойщиками новой коммунистической культуры. Одна проблема для творчества большинства из нас имеет решающее значение: в чем заключается метод диалектического материализма в художественной литературе, метод, позволяющий дать наиболее глубокое образное познание действительности? Все стороны художественного произведения — и тему, и выбор героев, и метод их воображения, и способы сравнений — мы стремимся проверить с точки зрения их классового смысла. Борьба с пережитками капитализма в сознании, в художественном творчестве — вот что определяет сегодня наши писательские интересы, что мобилизует нас.

С этой позиции нам много хотелось бы сказать вам под свежим впечатлением от «42-й параллели» (она недавно вышла у нас. Эта книга произвела у нас большое впечатление. Истории ваших героев, биографии знаменитых американских людей написаны вами с блестящим мастерством. Вы нашли яркий и точный метод записи явлений в их текучести. Но в стремлении быть максимально объективным вы скатываетесь к идейному самоустранению из жизни. В этом стремлении «схватить мгновенье» вы попадаете под влияние «Улисса» Джемса Джойса. Стенограммы рейтузных бытовых впечатлений «параллели» несколько напоминают эмпирический метод Джойса, который хочет произвести опись мира, как шериф или судебный эксперт при исполнении служебных обязанностей. Это не наш, это буржуазный подход к вещам. Наша задача не в том, чтобы иметь мир, как муравей, переползающий с песчинки на песчинку, а в том, чтобы познавать действительное устройство мира, чтобы его изменить. Идейность, направляющая художественное восприятие, еще не значит тенденциозность. Это хорошо поняла и Гете, столетие со дня смерти которого сейчас отмечает весь культурный мир.

Все эти творческие вопросы интересуют нас не отвлеченно, сами по себе, а в непосредственной связи с классовой борьбой за социалистическое переустройство мира, в котором мы хотим участвовать своим творчеством. Вот пример: ваш очерк «Харлан под дулом винтовок». Вот творчество, прямо помогающее пролетариату. Здесь вы тоже об'ективны, честны, как художник. Но тут вы осветили тот кусок действительности, ту огромную ее часть, которую так хочет скрыть буржуазия. Потрясающие картины, раскрытые вами в Кентукки, напоминают аналогичные истории, описанные Вилли Хейнцем в его известной автобиографической книге. Между этими историями летят десятилетия. Эксплоатация и террор, применяемые капиталистами против пролетариата, усилились. Борьба разгорается. Все насыщается этой борьбой. И творчество художника, его внутренний мир не могут быть изолированными.

Сущность тактики капитализма в маскировке. Громкие речи вслух о «пацифизме» и миллионы безработных и работающих «под дулом винтовки». Дипломатические миссии в Женеве и громкие пушек в Шанхае. Особенную тревогу вызывает удар японского империализма на Дальнем Востоке. Обстановка, в которой протекает безнаказанный расстрел мирных китайских жителей и захват земель, фактическая война без ее официального об'явления — громкий пример новой тактики империализма. Эти события тоже один из поводов нашего к вам письма. Творчество трудно отделить от политики. И одно есть продолжение другого.

Убаюкивание прессы, шаткость Лиги наций, хищничество Японии — все это сегодня не частные и локальные случаи, а звенья одного фронта империалистов. Они могут подраться и между собой. Но у всех у них есть общий враг: революционный пролетариат и страна победившего пролетариата — СССР. Один тот факт, что мы успешно строим социализм, заставляет капиталистов искать всяческих путей к нашему уничтожению. Этого мы не должны забывать. Буржуазная пресса любит упрекать нас в «мнительности». Но факты говорят, к сожалению, другое.

Вот почему все те, для кого близко дело, творимое советскими пролетариями, дело социализма, должны быть активными разоблачителями и борцами с тактикой капитализма. Мы считаем вас своим другом, т.-е. другом нашего дела. И мы хотели бы, чтобы вы выступили сейчас и почали наравне с Ромэн Ролланом против новой тактики империализма, затевающего с Востока новую мировую бойню, затевающего нападение на СССР.

Нам интересно было бы также продолжать с вами и творческие споры. Напишите нам. Наш адрес: журнал «Литература мировой революции».

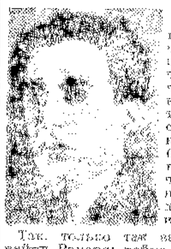
Братский привет!

КОРНЕЛИЙ ЗЕЛИНСКИЙ
ПЕТР ПАВЛЕНКО

Москва, 14 марта 1932 г.

И. КАТАЕВ

Я, МЫ, ОНИ



С тех пор как 1914 год провел страшную черту в нашем сознании, отделив то, что было, до от того, что случилось после — война стала отвратительной, но близкой спутницей нашего нам, вошла в наши биографии, потребовала, чтобы всякий человек взглянул на нее как на свое личное дело, дело моей жизни и моей смерти.

Так только так заставляет смотреть на войну Ремарк: война и я. Вот она вырвала мое слабое и дрожащее тело, мое любящее сознание из теплоты безопасного дома, бросила в сгущу предметного отчаяния: сейчас она уничтожает меня; и я... я даже не прокляну ее: что я могу сделать, одинокий, страдающий человек?..

Ремарк кричал об этом прекрасно, достоверно. Кричит вот оно — мучительство войны, вот ее тоска и скука. Такое отношение к войне понятно: всякий человек страшится своей гибели. Но не все понятное благородно и мудро. Страх за себя, если даже он выражен со страданием к своему ужасному, сидящему рядом в траншее, этот страх эгоистичен, ибо он беспочвен; это исступленная дрожь маленького маленького животного: это стон мелкого буржуа, бесцельно трепещущего в ночи империализма.

Последний пророк старой Европы, стоящей на рубеже и уже озаренной светом новой эпохи, Ромэн Роллан, показал нам другой, было высокий пример отношения к войне: активного и чело. Возмущаясь ею сказал, он не только заклеймил ее, но и противопоставил ей духовный союз братьев сущностей, спаянных общими достижениями многовековой культуры, мысли, искусства, превратившихся национальную вражду.

Война и мы — так выполнил нам урок Роллан: безмысленное избиение невольных, нарочно, грабеж, разруха — мы, многомиллионный коллектив трудящихся земли, мысли, науки, школы, пера, создатели всех благ жизни,— к чему нам война? Разве не должны мы с проклятьем отвернуться от нее?

Голос Роллана был мужественен и один. Он породил не мало отзывов, он был полезен для дела мира. По Роллан не раскрыл нам всякой тайны, в которой рождается война, не обнажил до конца ее подлинных виновников, не призвал к обуздыванию, к сокрушению их. Великий французский художник в выполнил только сейчас доводит свою идею до логического конца.

Сейчас, прочитывая хладнокровно, терпимый с Дальнего Востока, эти оперативные сводки, печально знакомые нам с тех грозных лет и самым наличием своим подтверждающие, что война уже есть, мы видим с небывалой остротой грубые и незамаскированные устремления империалистов, потребления народов, это взрывчатый, его всего газа. Мы понимаем: война не стихия, надвигающаяся с неба, подобно хлябям космического потопа. Это — произведение вот человеческих. У нее есть постоянное и частое: империализм. У нее есть законные родители: власть буржуазии и эксплоататоров обеих воюющих сторон. У нее есть теперь заботливый усыновитель: мировой экономический кризис. И вот тогда-то мы начинаем думать: война и они. Они — те, кому выгодно окончательное порабощение многострадального китайского народа, те, кто на протяжении многих лет подготовляет крестовый поход против Советского союза, этой надежды трудового человечества, этого преемника и наследователя всех лучших достижений, всей умирающей культуры старого мира. Они — те, кто должен быть разоблачен до конца.

Смотреть на империалистическую войну, прищемную в наступающую, глазами искусства и глазами дальновидной политики участных — это не противоречит одно другому. Наоборот, это должно быть совмещено. Художник, он же активный политик, он же активный борец против капиталистической системы грабежа и убийства—эта облагается с гордостью поэзии мы, писатели Советской страны. К тому же призывали мы всех братьев своих за рубежом.

П. СЛЕТОВ

Лучше браться сейчас

В пятнадцатом году в 1932 году. Америка плет в Японию селитру, Германия и Франция —боеприпасы. Но так как никто не верит больше, что после войны будет лучше, значит—это еще не война?

Мое поколение помнит, как после Карпат, Марны, Вердена, Стохода страны покрылись лагерями военнопленных. Но сейчас японские империалисты не любят брать в плен. Кроме того—тогда убивали больше солдат, а сейчас истребляют мирное население. Можно ли это назвать войной?

Мое поколение читало все газеты, наполненные пацифистскими статьями, апологией войны. Но сейчас — комиссия по разоружению тащит очередной меркуит. Значит ли это, что война уже идет?

Не разве маклеры плохо содержат своих плутов, разве плохо платят дипломатам за отно лишь умение скрывать фактически начатую войну? И разве трудно скрыть грохот орудий, работу военных заводов: газовницы городов, тысячи «бочек»? Это уже скрыто — войны нет.

И теперь дело лишь в том, чтобы скрыть, сколько миллионов солдат и каких наций будет брошено в бойню, сколько миллиардов золота и каких стран будет нарастолгано из карманов населения. Это нужно скрывать до тех пор, пока военная цензура не наложит печать на всякий вопль гнева и возмущения, пока международный ультиматум не разгонит репот обманутого новобранца.

Мое поколение — Стохода, Марны, Вердена — лучше других знает, какой иллюзией является отдаленность театра войны. Так лучше ж браться сейчас!

Вам наши руки, революционеры старой бойни!

Пусть наше рукопожатие первым сотрет маску с новой пастной войны.

Иоганн Вольфганг Гете

1749—1832

ГЕТЕ В 1800 ГОДУ. Портрет углем Фридриха Бури

1749 — 28 августа во Франкфурте-на-Майне родился Иоганн-Вольфганг Гете.

1759 — Занятие Франкфурта французскими войсками (Семилетняя война). Во время французской оккупации Гете часто посещает французский театр.

1764 — Первые стихотворения и драматические опыты.

1765 — От'езд в Лейпциг. Гете-студент.

1768. Тяжелая болезнь Гете. От'езд из Лейпцига (август).

1768—1770 — Выздоровление во Франкфурте. Занятия химией, алхимией, мистикой. Сведенборг. Парацельз.

1770—1771 — Студенческая жизнь в Страсбурге. Первый юридический экзамен Гете, освобождающий его от посещения коллегий. Гете — лиценциант права. Занятия Шекспиром, Гомером, Оссианом. Планы «Геца фон Берлихингена» и «Фауста».

1771—1772 — Во Франкфурте.

1772—1775 — «Гец фон Берлихинген».

1773 — «Прометей».

1774 — Ноэмы «Вечный жид», роман «Страдания юного Вертера».

1775 — Поездка в Швейцарию (май—июль). Дармштадт — Мангейм, Гейдельберг — Карлсруэ, Страсбург—Иена, Цюрих, Шаффгаузен, Гаги, Фюнфальштетское озеро — Готгард, Цюрих—Базель. Июль—снова дома.

1775—1776 — Первое собрание сочинений Гете.

1775—1779 — Приезд в Веймар. Герцог Карл-Август. «Ифигения в Тавриде».

1780 — «Тассо».

1782 — «Эгмонт».

1786—1788 — Путешествие в Италию.

1788 — «Римские элегии».

1789 — Знакомство с В. Гумбольдтом.

1792—1793 — Гете принимает участие в походе во Францию. Битва при Вальми.

1794 — Письма к Шиллеру и Фихте.

1795 — Вольф, Якоби.

1796 — «Герман и Доротея», «Вильгельм Мейстер». Выход «Альманаха муз».

1797 — Шиллер у Гете. Стихотворение «Коринфская невеста». «Бог и бадьера». Поездка в Швейцарию. Иена.

1798 — Работа над «Фаустом». Перевод «Танкреда».

1799 — Стихотворение «Первая Вальпургиева ночь». Перевод вольтеровского «Магомета».

1801 — Работа над «Фаустом».

1802 — Представление «Ифигении» в Веймаре.

1803 — Возвращение в Иену.

1804 — Встречи с Шиллером.

1805—Болезнь Гете. Перевод «Сида» Расина. Окончание первой части «Фауста». Гете в Веймаре. Битва при Иене. Занятие Веймара Наполеоном.

1807 — Поездка в Карлсбад. Разговор с Наполеоном.

1809 — В. Гримм у Гете.

1810 — «Учение о цветах» (1 том).

1811 — «Поэзия и правда» (2 том).

1812 — «Поэзия и правда» (ч. 2).

1813 — Занятия китайской литературой.

1814 — «Поэзия и правда» (ч. 3). «Западно-восточный диван».

1815 — «Юнг-штиллинг». «Ахилл». Гете в Иене.

1816 — работа над «Фаустом» (ч. 2).

1817 — Письма об Италии.

1818 — Зоотомия.

1819 — Сочинения Гете — XIX, XX тт.

1820 — Работа над «Вильгельм-Мейстером».

1821 — Выход «Вильгельма Мейстера».

1823 — «Мариенбадская элегия».

1824—1828 — Дружба с Эккерманом.

1829 — Гете читает Эккерману первые сцены 2 ч. «Фауста».

1830 — Разговор с Эккерманом по национальному вопросу. Поездка с Эккерманом в Италию.

1831 — Окончание 2 части «Фауста».

1832 — Смерть Гете.

Польский иезуит о Гете и о прочем

Во так давно в Киеве была напечатана, опубликована книга «Что читать?». Авторы ее пытаются взять Марлит Пронский, редактируют. Итогом начала с разрешения духовных властей. Православными иезуитами. Подчеркивают, что это—руководство для читающих книг. Реклама же на обложке многообещающе поет: «Первая и единственная на польском языке аннотированная оценка польской и иностранной беллетристики. 1.000 авторов—3.500 произведений».

Приходим без комментариев некоторые наиболее характерные «советы» православного иезуита.

«Гете» Пержинской отделывается в пяти-шести строчках. Вот что он пишет:

«Гете Иван-Вольфганг—немецкий поэт. В молодости пушел в ход разнообразный образ жизни. На какие своих переживаний написал в 1774 г. «Страдание молодого Вертера». Он в нее влюблялся, она выходит замуж, он любит ее попрежнему и кончает жизнь самоубийством. Роман этот был в стиле эпохи — чувствительность, выливающаяся в крайности — в потому заканчивается самоубийством».

Так иезуиты отмечают столетие со дня смерти Гете.

Столь же оригинальны и советы другим писателям.

«Мериме Проспер—французский писатель, который как тему для своих произведений облюбовал убийства и вообще всякого рода мерзости. Герои его — пьяницы, бандиты и разбойники. Иногда он доходит до богохульства...»

«Мистические Шарль — французский философ и литератор, известны своими трактатами, направленными против общественной морали: «Путь изгнания» (затрещен цензурой 29/XI 1751)...»

«Мопсан Гендрих — французский писатель, его натуралистические романы рисуют кульгарно низшую бедных слоев населения. Все они запрещены цензурой 20/VI 1864 г. «Богема».

«Мюссе Альфред — французский поэт; в эстетическом отношении принадлежит к индустрии, в моральном—к вакхуанты. Убил развратно и опытный свою недостойную жизнь...»

«Стендаль, псевдоним Генриха Бейля. Служил в армии, занимался управлением помещиков, дипломатией, наконец, писал недурные и бывшие романы».

«Дикенс Чарльз. Малоучительное в том отношении, что описывает слишком редкие виды любовных об'яснений...»

«Дельвиг Оттон, Романы Дельвига отличаются большим недостатком, в них нет глубокой мысли...».

«Ио Эдгар-Аллан, Американский писатель. В моральном отношении в общем безупречен, однако в романах его часто выступают ненормальные персонажи, даже преступники, и нередко встречаются подобные ситуации, которые двояко-толкуют его книги и не позволяют рекомендовать их молодежи...»

«Бекер Жозефина—современная танцовщица, ведущая безнравственный образ жизни. «Мемуары» (записал М. Осипов).

**

Однако «сеяв» Пержинский не только осуждает то и хвалит некоторых авторов. Гете в Балазову он противопоставляет «с разрешения духовных властей» следующих писателей... по поведением самого пастора, кто должен заменить мировых классиков.

«Абу Адиоль. Французский романист, отличающийся легким стилем, интересный, но нецелесообразный... Единственный свободный от непристойностей рассказ — «Нос нотариуса».

«Адельма Жерме (настоящая фамилия: маленькая Пулей). Хороший наблюдатель жизни, отличающийся хорошими наследами на языке. «Беседы сеяв», для взрослых, основная идея: лучше найти за плохого мужа, чем остаться старой девой...»

«Дюа Шарль. Французский писатель в очень хорошем вкусе. «Из жизни деревенского священника».

«Кастэль Аглае. «Маленькая цветочка», мать и дочь любят одного мужчину, наконец, шить устраивает. Так себе».

«Живанти Анж. «Мариоль», история несчастной женщины; она бесхарактерна и потому обливается с пути. Так себе. «Нам Трибулация» — развратное обличение старается использовать моментами и историчность двух сестер. Приличный и поучительный роман».

**

Страдны полезно читать не — библиографический предмет в педагогических целях детских.

Запомним, что книжка пропила духовную цензуру, что ее читали и одобряли монахи.

У «отца» — самые правильные литературные вкусы.

По разве не показательна его книжка для характеристики современной буржуазной культуры? Разве «отец» — единственный?

Творческие вопросы — в центр внимания

Кто оказался прав?

Творческий отчет В. ЛУГОВСКОГО

Прошло два года со дня принятия В. Луговского в РАПП. 10 марта на бюро правления РАПП поэт сделал отчет о своей двухлетней творческой работе. В обмене мнений по докладу т. Луговского приняли участие тт. Жаров, Кожевников, Сурков, Корабельников, Дегтярев, М. Субоцкий и Серебрянский.

*

На примере Луговского отчетливо подтверждается правильность линии на приближение к пролетариату и перестройку лучшей части интеллигенции. Двухлетняя работа Луговского, большие идейно-творческие сдвиги, происшедшие в нем, показывают не только то, что оправдал себя опыт его приема в РАПП, но и правильность общего курса на размежевку в рядах попутничества, на переход лучших из попутчиков в союзники, на их вхождение в пролетарскую литературу.

Дело не только в том, что два года пребывания Луговского в РАПП наглядно опровергли тот скептицизм, который был проявлен некоторыми в дни его приема в РАПП (один из таких скептиков — А. Жаров — прямо заявил на бюро правления, что он «рад каяться, что был неправ по отношению к Луговскому»), но и — это основное, — в том, что творческая практика рапповца Луговского полностью разбила скептиков другого порядка—тех попутников, которые еще не осознали до конца необходимости радикальной перестройки и говорили Луговскому, когда он шел в РАПП:

— Увидишь, твое творчество снизится после того, как ты войдешь в РАПП.

Нетрудно увидеть зависимость этих разговоров от попыток оборонить идеологизма от утверждений о несовместимости искусства с социализмом, о крахе искусства вместе с крахом индивидуализма.

Именно перестройка, органическое включение в классовую практику пролетариата, преодоление индивидуализма и привели к расцвету его творческой индивидуальности.

Войдя в РАПП, успешно перестраивать Луговской пошел на много, гораздо более высокую ступень свое творчество. Узкие индивидуалистические книги Луговского—«Сполохи» и «Мускулы» — демонстрировали ограниченность Луговского, но качественно по своим идеям повторяли многое из уже написанного писателями прежнего — в них не было ничего нового творческого лица. А сейчас Луговской пришел к «Большевикам пустыни и весны», к «Европе» — и именно здесь выявились особенности Луговского как поэта, именно в этих работах — новая, высокая идейность, питающаяся широкими интересами класса, в них «я» отождествляется новым понятием «мы».

Разве это творческое оскудение? Нет, это потом, новые творческие победы, это рост!

*

Как же происходила перестройка? Луговской рассказывает.

Она началась полемикой с конструктивизмом, к которому раньше принадлежал Луговской. В стихотворениях «Друзьям», «Писатель и бумага», «Письмо к республике от моего друга», «Поэзия — наиболее ярко сказалась эта полемика, они демонстрировали отход от конструктивизма, новое отношение к задачам писателя. Именно к этому периоду и относится вступление в РАПП.

Два года в РАПП прошли, главным образом, в творческих командировках: в Средней Азии весной 1930 г., в заграничном походе Черноморского флота, затем на афганской границе. Творческие результаты их: книги «Большевикам пустыни и весны», «Европа» — уже написанные; в работе — вторая книга «Большевиков пустыни» и пьеса «Граница».

Луговской не только наблюдал, но и участвовал в разгаре классовой борьбы. Отсюда и пришла перестройка.

Исключительно большую роль во всех происшедших в Луговском сдвигах сыграл ЛОКАФ.

*

Понятно, что перестройка еще не завершена, что у Луговского есть еще ряд существенных недостатков. В своем отчете и он сам подробно говорил о них: разве нужно анализировать эти недостатки и в прозе?

Так индивидуализм, успешно преодолеваемый Луговским, моментами приобретал такие еще грубые творческие черты, как эпигонство. Луговской предъявил к рапповской общественности и особенно к критике счет. Он совершенно правильно указывал, что не имел повседневной организованной помощи в своей работе, что совершенно недостаточно занимались им критика. Эти факты еще раз свидетельствуют о недопустимом отставании нашей критики.

Безобразно мало интересовался Луговским актив РАПП, в частности поэтический. Он бластал сплошь отсутствием и на заседаниях бюро правления.

МИХ.

Дискуссия о „Ведущей оси"

А. Селивановский в статье, предназначенной для «Октября», которую он прочел вместо вступительного доклада на организованной редакцией «Октября» 17 марта дискуссии о «Ведущей оси» В. Ильенкова в Доме пролетарской литературы, оспаривает утверждение А. Серафимовича («Правда» 21 февраля), что по этому произведению «молодые пролетарские писатели будут учиться делать большие полотна».

Докладчик рассматривает «Ведущую ось» как вехуплу творческих установок.

Каковы эти установки?

Это — установка, ставящая знак равенства между внешней злободневностью в актуальностью, а пролетариату нужна литература, дающая ему силу ориентировки в борьбе за будущее, глубоко осмысливающая весь опыт его борьбы и сегодня и вчера, как и весь опыт, накопленный человечеством.

Это — установка на «протупывание жизни собственными руками», подменяющая и противопоставляющая эмпирическое знание материала глубокому его осмыслиганию учением Маркса, Ленина, Сталина, отодвигающая на второй план борьбу за высокий уровень мировоззрения пролетарских писателей, да и само понятие практики ограничивающая непосредственным эмпирическим опытом, а писатели прикрепляющая к точке времени.

Роман Ильенкова вносит новое в практику пролетарской литературы своей темой. Идея романа — ведущая ось — это сознание и воля класса, перестраивающего мир, перестраивающего себя; это — пролетариат как ведущий отряд всего трудящегося человечества.

Преодоление «бездумного отношения к труду» — новое качество труда — одна из ведущих сторон идеи романа.

Эта большая нужная идея поставлена в основном правильно, но ошибки метода не позволили удачно разрешить ее.

Ильенков не сумел дать зарождения нового качества отношения к труду, он показал лишь стихийную любовь к машине. Именно стихийную любовь, а не сознательную, — различные персонажи романа любят машину как таковую (Кузьмич, Зайцев, Жоров, вся масса рабочих).

Пролетариат — «ведущая ось», но не показана его связь с крестьянством, мимо романа прошли сложнейшие формы классовой борьбы в «мужицкой области», где существует завод. Он оказался островком в стране.

По тем же причинам (изолированность) замкнут показ Ильенковым представителей-специалистов.

Еще менее удались образы интеллигенции, которые должны демонстрировать колебания в ее среде и пути перехода к нам. Страхов противостоит врагителям лишь по линии своей любви к машине, — снова стихийной; он идет к пролетариату не как сознательный строитель, а только как сторож машины.

Такая классовая расстановка сил специалистов не дала Ильенкову возможности разоблачить спецеедческие настроения. По существу же роман подсказывает отрицательный ответ на вопрос о возможности подлинной перестройки лучшей части старых специалистов.

Крупнейшим недостатком романа является отсутствие подлинного показа партии, что не ускользнуло от внимания и А. Серафимовича. Дело не только в том, что не дано картины партийной жизни, но — и это важнее — не ясна грань между партийностью и беспартийностью.

— Перед пролетарскими писателями, — заключает т. Селивановский, — во весь рост встают проблемы партийности искусства. Но тенденция эмигрантов противостоят разрешению этой задачи. Они делают писатели тенденциозными. Но тенденциозность произведения не есть его партийность.

Но в чем причины такой тенденциозности, следствием которой является художественная фальшь, вычурность, искусственность у нашего писателя? В неполном умении раскрыть типичные стороны типичной обстановки. Недостатки образного выражения восполняются либо публицистическими вставками, тенденциозной романтизацией, либо наоборот, столь же тенденциозным принижением воздушных персонажей. Помимо всего прочего это и антихудожественно.

Вывод, делаемый А. Селивановским:

«Ведущая ось» вскрывает препятствия, мешающие созданию Магнитостроев литературы. Причины — недостатки метода. Расчистить путь для всего роста Ильенков сможет, лишь преодолев эти недостатки.

*

В начавшихся прениях в первый вечер успели высказаться только четыре товарища: Тарленков, Кирьянов, Митрофанов, Исбах.

Продолжение дискуссии — 24 мар.

Вечер творческих заявок

Пролетарские писатели—активные участники ЛОКАФ

Разоблачить в художественных произведениях сущность империалистических войн, показать неизбежность перехода империалистической войны в гражданскую, показать современную Красную армию, вскрыв ее классовую сущность и интернационалистский характер, отобразить культурно-политический и технический рост Красной армии — эти задачи сейчас с особенной остротой встают перед советской литературой и в первую очередь перед писателем РАПП и ЛОКАФ.

Как же писатели отвечают на эти требования?

На вечере, организованном 20 марта секретариатом МАПП совместно с ЦС ЛОКАФ, т. Б. Бузниде (ГАПП) в своем вступительном слове указал на то, что пролетарские писатели еще слишком мало внимания уделяют оборонной тематике. Они должны органически включиться в работу ЛОКАФ.

Определению задач пролетарских писателей в деле обороны страны был посвящен и доклад Л. Дегтярева, выступавшего по рассказанного о деятельности ЛОКАФ и, в частности, политической работы II плекума ЦС ЛОКАФ.

Вторая половина вечера явилась показательной для заметившегося перелома в отношении оборонной тематики. Целый ряд писателей и творческих группировок РАПП активно включился в работу ЛОКАФ. На вечере выступили с заявками от творческих группировок А. Сурков («Напостовская смена»), С. Щипачев («Красное знамя»), А. Исбах (группа т. Панферова), Шагалов (литгруппа N-го стрелкового полка), Любов (литкружок московской инженерной школы). Г. Грин (кружок завода имени 1905 г.) и тт. В. Ставский, Матэ Залка, Мих. Субоцкий, С. Фридман.

Поэтическое крыло группы «Напостовская смена» работает преимущественно над военной тематикой. Недавно удар-ным порядком члены этой группы (Сурков, Гехман, Гусев) написали и сдали в набор сборник стихов «Боевая тревога». В своей личной заявке т. А. Сурков говорит о том, что в настоящее время он работает над произведением о пятом фронте и думает приступить к бумагой нее время к произведению о М. В. Фрунзе.

«Красное знамя» — центральная лефовская группа. Она приняла активное участие в выпуске сборника, посвященного XIV годовщине Красной армии. Членом этой группы (Вашенцев, Щипачев, Либерман и др.) за последнее время выступили с рядом оборонных произведений в печати.

В группе т. Панферова над произведениями о Красной армии сегодняшнего дня работают тт. А. Исбах и Кшп. Б Гейбатов пишет оборонную повесть «Горный поход».

Тов. Шагалов в своей творческой заявке говорит о том, как он работает над показом красноармейской жизни в роте однополчников.

Матэ Залка пишет роман «Кометы возвращаются». Этот роман показывает иностранных рабочих в русском плену в 1915—16 гг.

Итоги вечера подвел секретарь МАПП т. С. Фридман. Он так же, как и т. М. Субоцкий, указывает на отсутствие на вечере многих писателей, в том числе и значительной части творческого актива РАПП.

Тов. М. Субоцкий обращает внимание собравшихся на тот факт, что подготовка издательства («Федерация» и пр.) к XV годовщине РККА крайне неудовлетворительна. Издательства недостаточное внимание обращают на качество художественной литературы о Красной армии.

Д. АГ.

1832 Столетие со дня смерти

Л. АВЕРБАХ

ВНАЧАЛЕ БЫЛО ДЕЛО...

Гете резко выступал против французской революции. Яркие свидетельства тому мы находим не только в его переписке и не только в его разговорах с Эккерманом, но и в его художественных произведениях. «Великий Кофта», «Гезперал-гражданин», «Возмущенные», «Беседы немецких эмигрантов», незаконченная трагедия «Девушка из Оберкирха» — это мелкие клеветнические, злобные и художественно неудачные и неубедительные памфлеты Гете против великой буржуазной революции.

Было ли, однако, это борьбой с точки зрения феодального дворянства и во имя «старого режима»? Было ли это ренегатским разрывом с немецкой буржуазией? Или это была пропаганда «мирного» буржуазного развития без крайностей якобинских эксцессов, без насильственных переворотов, без «санкюлотов и террора, без насильственных переворотов, без сказков и катастроф? «Герман и Доротея» — поэма, написанная в 1797 г., в значительной мере дает ответ на этот вопрос. Это, конечно, противопоставление мира и порядка «хаосу» и «беспорядку» революции? Это, конечно, «показ должительного» и противопоставление умеренному отрицательному примеру Франции? Это, конечно, исключительно мещанская и филистерская идеализация бюргера, помещиков-аристократов, знати старого режима? Нет, это восторженное воспевание мелкого бюргера, сельского лежаточного труженика, правил и поведения примерного буржуа! Отрицательное отношение к французской революции было присуще почти всей немецкой буржуазии. Гердер и Форстер были исключениями. Вплоть до Гете была линией его класса, предпочитавшего холопство перед бесчисленными мелкими герцогами и князьками следованию примеру Франции. А разве буржуазная жиронда не предпочитала блока с эмиграцией союзу с ремесленниками и мастеровщиной, перед пролетариатом предместий? Разве не была буржуазия напугана теми силами, которые разразились ее борьбы против старого режима? Уж лучше полезок на брюхе, чем нож гильотины!

В отношении Гете к французской революции тоже можно обнаружить известную двойственность — и эта двойственность не его личная собственность: эта двойственность немецкой буржуазии, стремившейся к буржуазному национальному единству, но не имевшей сил на революцию и боявшейся «плебейской» борьбы.

И, однако, эта двойственность, вытекавшая из особенностей развития и положения немецкой буржуазии — классическая черта поведения буржуазии во всяком национально-реформационном движении, поднимающем к жизни трудящиеся низы.

Правда, Гете по многом шел на слишком большие сделки с феодализмом и даже с точки зрения современной ему буржуазии. Но в то же время Гете нередко и во многом опережал ее. Да, Гете был в стороне от чистки Наполеоном «дурных кошшен Германии» (Энгельс). Но именно Гете отдавал себе отчет в классовом характере наполеоновских войн, сокративших число немецких государств с 300 до 38 и приведших к отмене личной зависимости крестьян в ряде частей Германии. И не случайно Гете упрекали за отсутствие у него ненависти во время так называемых освободительных войн против французов. Да, у Гете не было пафоса борьбы против Наполеона — он не верил способности немецкой буржуазии объединить Германию и возглавить ее национальное развитие, зная в то время, что победа Наполеона — это начало «новой эпохи мировой истории»[1].

Может быть, впрочем, в отношении Гете к Наполеону сказывалось и восхищение завоевателем, успокоителем сильной власти — наряду со страхом перед новыми потрясениями, новыми резкими изменениями соотношений сил, новыми общественными сдвигами исторического масштаба и размаха.

Весь к этому периоду Гете сильно постарел — вспомним, что он говорил Эккерману: «Много толкуют об аристократии и демократии, а вещь очень простая: в юности, когда у нас ничего нет или когда мы не умеем ценить спокойного обладания, мы демократы, но если за долгую жизнь мы скопили себе собственность, то уже желаем, чтобы она была обеспечена не только нам, но чтобы и наши дети и внуки спокойно пользовались наследством. Вот почему к старости мы все становимся аристократами, хотя бы в юности держались иных мнений». «Странная вещь свобода, — говорит Гете в другом месте, — всякий мог бы иметь ее достаточно, если бы только умел находить ее и довольствоваться малым». Мещанин столь же свободен, как дворянин, пока держит себя в известных предназначенных ему богом пределах, по состоянию, в котором родился».

Что восхищает Гете в «Вильгельме Мейстере»? — «Ломанный быт, основанный на благочестии, оживляемый и поддерживаемый стараниям и порядком — ни слишком узко, ни слишком широко, в самом благоприятном отношении способностям и силам... Здесь вижу перед собой ограниченность желаний и работу для будущего, осмотрительность и сдержанность, неизменность и деятельность».

Это неприятие им неприятие убожества окружающей жизни? Да, это свидетельство и мера ее юбели. Это итог пути, на котором Гете от «Прометея» переходил к «Пандоре», от «Геца фон Берлихингена» к «Эгмонту», от «Вертера» к избирательному сродству, от «Прафуста» к концу второй части последнего варианта «Фауста».

Но как же эта проповедь благочестия, ни слишком узкого и ни слишком широкого, осмотрительности и сдержанности, как эта проповедь филистерской ограниченности и мещанского самодовольства, как эта апологетика постепенности и борьба за средненность вяжутся с обычным представлением о бунтующем лекторе и ветхо-мятежной фаустовской душе?[2]. По поступно ли так противоположны восстания «Прометея» против богов и космический характер протеста Вертера против действительности, с одной стороны, и проповедь отречения в «Вильгельме Мейстере», сдержанности и ограниченности в «Торквато Тассо»—

Кто хочет великого, должны уметь
держать себя,
Мастер выказывает себя только в ограничении,
Только закон может дать нам свободу,

— дела и практической работы в «Фаустех», с другой стороны?

«Страдания юного Вертера» были произведением едва ли не наиболее нашумевшим во всей истории мировой литературы. Наполеон брал «Вертера» с собой в египетский поход, перечитывал его семь раз и в разговоре с Гете выступал в роли конкретного критика... Быстро появилась на свет целая библиотека подражательных романов, которые, правда, не без генеалогии по отношению к наиболее революционному периоду своей деятельности, потом вымещал и сам Гете.

«Оставаться непонятым — таков удел подобных нам людей», восклицает Вертер. Не успех Вертера был так велик именно потому, что он был понятен буржуазному бюргеру, что это была борьба за «живого человека» нарождающейся буржуазного общества, что в форме восхищения перед природой и культа сердца и чувствительности читатель был ясен протест против социальной лжи действительности, что в «Вертере» идеализировалось «нутро» героя, нового для литературы и противоположного ее старым образцам. Право на крайний индивидуализм — так воспринималась основная линия «Вертера» в полном согласии со всем духом эпохи Sturm und Drang'а, искавшей больного человека, самостоятельного поселения и сильной воли.

Слабость буржуазии немецкой по сравнению с французской, ее отсталость, узость ее кругозора определили то, что в «Вертере» прозвучал голос социальной критики протеста, что в «Вертере» нет вольтеровской остроты и язвительности, что в «Вертере» сила удара направляется не на тот строй, который мешает формированию буржуазного индивидуалиста, а на мир вообще, на человечество и целом, на ход мироздания или когда мы не умеем ценить спокойного обладания, мы демократы, но если за долгую жизнь мы скопили себе собственность, то уже желаем, чтобы она была обеспечена не только нам, но чтобы и наши дети и внуки спокойно пользовались наследством. Вот почему к старости мы все становимся аристократами, хотя бы в юности держались иных мнений». «Странная вещь свобода, — говорит Гете в другом месте, — всякий мог бы иметь ее достаточно, если бы только умел находить ее и довольствоваться малым». Мещанин столь же свободен, как дворянин, пока держит себя в известных предназначенных ему богом пределах, по состоянию, в котором родился».

Что восхищает Гете в «Вильгельме Мейстере»? — «Ломанный быт, основанный на благочестии, оживляемый и поддерживаемый стараниям и порядком — ни слишком узко, ни слишком широко, в самом благоприятном отношении способностям и силам... Здесь вижу перед собой ограниченность желаний и работу для будущего, осмотрительность и сдержанность, неизменность и деятельность».

Это неприятие им неприятие убожества окружающей жизни? Да, это свидетельство и мера ее юбели. Это итог пути, на котором Гете от «Прометея» переходил к «Пандоре», от «Геца фон Берлихингена» к «Эгмонту», от «Вертера» к избирательному сродству, от «Прафуста» к концу второй части последнего варианта «Фауста».

Но как же эта проповедь благочестия, ни слишком узкого и ни слишком широкого, осмотрительности и сдержанности, как эта проповедь филистерской ограниченности и мещанского самодовольства, как эта апологетика постепенности и борьба за средненность вяжутся с обычным представлением о бунтующем лекторе и ветхо-мятежной фаустовской душе?[2]. По поступно ли так противоположны восстания «Прометея» против богов и космический характер протеста Вертера против действительности, с одной стороны, и проповедь отречения в «Вильгельме Мейстере», сдержанности и ограниченности в «Торквато Тассо»—

Кто хочет великого, должны уметь
держать себя,
Мастер выказывает себя только в ограничении,
Только закон может дать нам свободу,

— дела и практической работы в «Фаустех», с другой стороны?

«Страдания юного Вертера» были произведением едва ли не наиболее нашумевшим во всей истории мировой литературы. Наполеон брал «Вертера» с собой в египетский поход, перечитывал его семь раз и в разговоре с Гете выступал в роли конкретного критика... Быстро появилась на свет целая библиотека подражательных романов, которые, правда, не без генеалогии по отношению к наиболее революционному периоду своей деятельности, потом вымещал и сам Гете.

«Оставаться непонятым — таков удел подобных нам людей», восклицает Вертер. Не успех Вертера был так велик именно потому, что он был понятен буржуазному бюргеру, что это была борьба за «живого человека» нарождающейся буржуазного общества, что в форме восхищения перед природой и культа сердца и чувствительности читателю был ясен протест против социальной лжи действительности, что в «Вертере» идеализировалось «нутро» героя, нового для литературы и противоположного ее старым образцам. Право на крайний индивидуализм — так воспринималась основная линия «Вертера» в полном согласии со всем духом эпохи Sturm und Drang'а, искавшей больного человека, самостоятельного поселения и сильной воли.

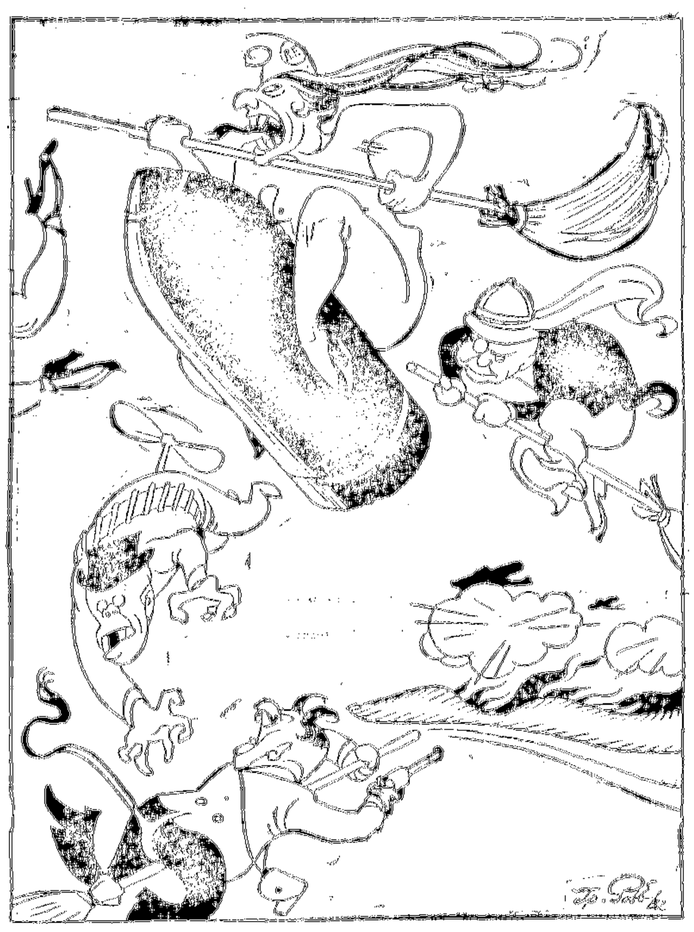
Слабость буржуазии немецкой по сравнению с французской, ее отсталость, узость ее кругозора определили то, что в «Вертере» прозвучал голос социальной критики протеста, что в «Вертере» нет вольтеровской остроты и язвительности, что в «Вертере» сила удара направляется не на тот строй, который мешает формированию буржуазного индивидуалиста, а на мир вообще, на человечество и целом, на ход мироздания или когда мы не умеем ценить спокойного обладания, мы демократы, но если за долгую жизнь мы скопили себе собственность, то уже желаем, чтобы она была обеспечена не только нам, но чтобы и наши дети и внуки спокойно пользовались наследством. Вот почему к старости мы все становимся аристократами, хотя бы в юности держались иных мнений». «Странная вещь свобода, — говорит Гете в другом месте, — всякий мог бы иметь ее достаточно, если бы только умел находить ее и довольствоваться малым». Мещанин столь же свободен, как дворянин, пока держит себя в известных предназначенных ему богом пределах, по состоянию, в котором родился».

Что восхищает Гете в «Вильгельме Мейстере»? — «Ломанный быт, основанный на благочестии, оживляемый и поддерживаемый стараниям и порядком — ни слишком узко, ни слишком широко, в самом благоприятном отношении способностям и силам... Здесь вижу перед собой ограниченность желаний и работу для будущего, осмотрительность и сдержанность, неизменность и деятельность».

Это неприятие им неприятие убожества окружающей жизни? Да, это свидетельство и мера ее юбели. Это итог пути, на котором Гете от «Прометея» переходил к «Пандоре», от «Геца фон Берлихингена» к «Эгмонту», от «Вертера» к избирательному сродству, от «Прафуста» к концу второй части последнего варианта «Фауста».

Но как же эта проповедь благочестия, ни слишком узкого и ни слишком широкого, осмотрительности и сдержанности, как эта проповедь филистерской ограниченности и мещанского самодовольства, как эта апологетика постепенности и борьба за средненность вяжутся с обычным представлением о бунтующем лекторе и ветхо-мятежной фаустовской душе?[2]. По поступно ли

Рис Гр Ризе



ВАЛЬПУРГИЕВА НОЧЬ...
«Фауст» в женевско-шанхайской постановке

[1] См. «Французскую кампанию» Гете. После битвы при Вальми он сказал: «Отсюда и сегодня начинается новая эпоха мировой истории, и вы можете сказать, что присутствовали при ее начале».

[2] «Как во всем практическом нам, людям, предоставлено нечто срединное, так и в познании. Середина, считая от того пункта, где мы стоим, позволяет нам, правда, двигаться ни и вперед, взором и делами, но начала и конца мы никогда не достигаем ни в мыслях, ни в деятельности, а потому можно посоветовать всякому отказаться от них».

ка-философа, мастера обобщения и глубокого проникновения. Личность, свободная личность, судьба личности, ее назначение, ее возможности, ее место в мире — вот тема Фауста. Так занимается Гете буржуазной личностью смело, остро, мужественно создавая историческую символику, сохраняющую действенность на многие десятилетия и величайшую познавательную ценность на века[3].

Тов. Луначарский очень правильно замечает, что «неудовлетворенность Фауста есть не что иное, как жажда все растущей полноты жизни».

Я
Чрез мир промчался быстро, не сдержимо,
Все наслажденья на-лету ловя.
Чем доволен был, пускал я мимо.
Что ускользало, то я не держал.
Я лишь желал, желаньям совершал
И вновь желал. И так я пробежал
Всю жизнь, — сперва неукротимо, шумно.
Теперь жизу обдуманно, разумно.
Достаточно познал я этот свет,
А в мир другой для нас дороги нет.
Слепец, кто гордо мчится с мечтами,
Кто ищет равных нам за облаками!
Стань твердо здесь и вкруг следи за всем:
Для мудрого и этот мир не нем.
Что польза в вечность всерпарять мечтою!
Что знаем мы, то можно взять рукою.
И так мудрец весь век свой проведет;
Грозятся духи! Он себе пойдет,
Пойдет вперед, средь счастья и мученья,
Не проводя в довольстве ни мгновенья»[4].

Фауст отказывается искать ответа на прежде мучившие его вопросы и сомнения. Он мечтает стать просто человеком — от богобоязненности «Прафауста» не остается и следа. В чем же нашел успокоение Фауст?

До гор болото воздух заражает,
Стоит, весь труд испортить угрожая,
Прочь отвести гнилой воды застой—
Вот высший и последний подвиг мой.
Я целый край создам — обширный, новый,
И пусть миллионы здесь людей живут,
Всю жизнь сиду опасности суровой,
Надеясь лишь на свой свободный труд.
. . . . . .
Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет на бой»[5].

Фауст в первой части пережил такое развитие, что оно может приравниваться к созданию другого характера, другого Фауста, находящего ответы там, где для прежнего Фауста были проблемы.

Вот как раньше говорил сам Гете: «Характер Фауста на той высоте, куда поставила его новая обработка сырого материала старинного народного предания, представляет нам человека, который, чувствуя себя связанным в обычных границах земного существования, не удовлетворяется самым возвышенным знанием и наслаждением самыми прекрасными благами жизни, так как они не способны хотя бы отчасти успокоить его томление; дух, который вследствие этого обращается в разные стороны, возвращается к себе все более несчастным. Такое настроение родственно по существу духа современного человека».

А вот что говорил Гете Эккерману в конце работы над «Фаустом»: «Человеку не дано разрешить мировую задачу; он может только изыскивать, где начинается задача, и затем держаться в пределах доступного его пониманию. Его способности не в силах измерить земной вселенной; желание уразуметь вселенную при его ограниченном кругозоре — тщетные усилия. Разум человеческий и разум божий — два весьма различные вещи».

Дело Фауста — то же, что и отречение Вильгельма Мейстера.

Это не смелая победа того гордого духа, каким был Фауст вначале — религиозная концовка Фауста не случайна. Дело оказывается отреченном от прежнего бунта, а по ответом на мучившие вопросы и не разрешением противоречий. Или точнее: в деле, как в прежде, находит Фауст ответ и выход. Мефистофель не получает души Фауста, ибо вся линия Фауста оправдывается и утверждается не потому, что Фауст слился с «чем» и в коллективном труде нашел полноту жизни, а потому что Фауст смирился и перестал попрежнему искать, получив путь к богу. Да, Гете был приковал к окружающей его жизненной среде как к «единственной», в которой он мог действовать!

«Фауст» оканчивается трагически. Но это не трагедия человеческого существования вообще и навсегда вперед — это историческая ограниченность буржуазного индивидуализма. Фауст не оканчивается «освобождающим безумием» — он заканчивается практикой, не как победой, а как поражением, не как счастьем, а как притворным «счастьем» неудовлетворенность вводится в стройное русло и в узкие берега. Революционному духу Фауста указываются его пределы — откуда и доколе! Аполлетика буржуазного индивидуализма, воздавание сильной, свободной, одной и себялюбивой личности заносит себя к самоубийству Вертера, либо к обрезанным крыльям Фауста конца второй части.

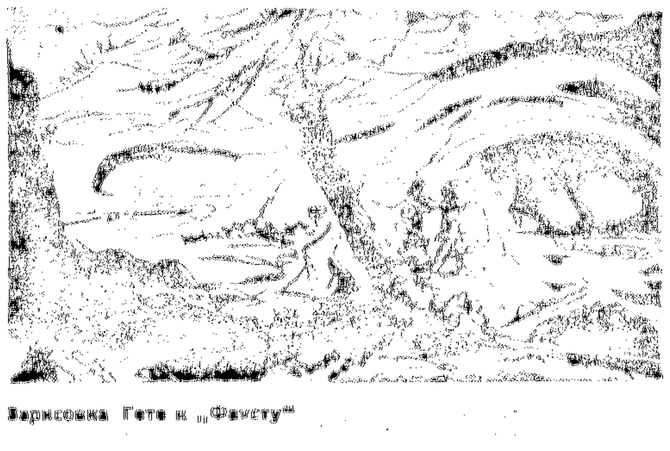
Продолжите Фауста дальше — дайте ему жизнь теперь — и образ Фауста сольется с образом Мефистофеля, и скептицизм, холодка, цинизм — подземелье, чем у готического Мефистофеля! — станет непременной частью внутреннего существа Фауста, и Фауст выродится в Клима Самгина.

---

[3] Интересно отметить, что в печатном тексте «Гец фон Берлихингена» Гете выбросил указание первоначального варианта на угнетение и эксплоатацию крестьян.

[4] Социал-фашист, министр просвещения в Пруссии.

[5] «Фаустовский символ выражал не только титанизм, он выражал также трансцендентальное чувство неудовлетворенности, которое проистекает из конфликта между пространственной и временной ограниченностью наших земных жизненных форм и бесконечным жизненными содержанием мира...» — пишет Гундольф. — Для Роллерта самое важное в «Фаусте»: «Связь между верой Гете в жизнь после смерти и понятием о деятельном человеке... Фауст бессмертен потому, что он всегда стремится к деятельности».—«Страстная напряженность стремлений, резкая неудовлетворенность, героическое упование на самого себя, эта таинственная деловая вера в природе, которая живет в бесчеловечном пространстве», — определяет К. Обенауер существо фаустовского человека. — «Фаустовская культура есть культура воли», — пишет Шпенглер.



Баррикада Гете к „Фаусту"

Гете
из второй части „Фауста"

Акт первый, сцена вторая

ИМПЕРАТОР
Итак, желанным, верным—мой привет.
Сошлись из близи вы и дали
И под звездой счастливой стали.
Сулит нам радость звезд небесных свет.
Но для чего же в это время,
Когда забот мы сверглли бремя,
Готовились для маскарада,
Жить собирались лишь усладой,
В охоте скучном нам томиться надо?
Но вы молили, чтоб я подал знак,—
То решено, да будет так.

КАНЦЛЕР
Как светлым нимбом, кесарь окружен
Всевысшей добродетелью; лишь он
Ее вполне в себе сугубит,
То — справедливость! Что все люди любят,
Чего желают, ищут, жаждут страстно,
Зависит от него дать миру властно.
Но, ах! Что польза вынесет народ
От сердца доброты, руки щедрот,
Когда все государство тяжко стонет
И с ним беда беду бессменно гонит?
Взор на империю кинь с высоты,
Как-будто страшный сон увидишь ты,
Где над уродствами уродство правит,
Где беззаконье грань закону ставит,
И целый мир неправды давит.
Один—жену, другой—стада,
Крест, утварь алтаря присвоив;
И, чтимый, жизнь свою устроив,
Никем не наказуем, без стыда.
Теперь истцы стоят по залам,
Судья в высоком кресле ждет,
А между тем угрюмым валом
Восстанье грозное растет.
Кто должен быть в стыда, в позоре,
Сообщниками защищен;
И тот — виновен слышит вокруг,
Невинен кто со всех сторон.
Так должен целый мир разбиться,
Ничтожится все, что светло.
Где ж чувству доброму развиться,
Что и справедливости в село?
И честный, наконец, пристать
Готов к льстецам, готов и подкупным.
Судья, бессильный наказать,
Становится и сам преступным;
Рисунок черен, не черней
Будь он, так был бы и верней.
(Пауза)
И пусть в решеньем поспешают;
Где все грешат, все и страдают,
Величеству урок грозит.

ПОЛКОВОДЕЦ
Как дики эти дни, мы знаем.
Всяк и сражает и сражаем,
К команде ж каждый глух стоит.
За их стенами горожане
И рыцарь в каменном гнезде
Нам поклялися все заране
Отпор по силе дать везде.
Наемники неудержимы,
Упорно платы требуют от нас,
И будь не столько им должны мы,
Ряды покинули б сейчас.
Что требуют, нам запрети ты,—
Гнездо осиное взметнешь!
Мы ждем от них стране защиты,
А им мипы — татьба, грабеж!
Не тронь их шума, их насилий,—
Полмира пропадет тогда;
Хоть короли еще и в силе,
Никто не видит, что идет беда...

Акт первый, сцена четвертая

КАСТЕЛЯН (входит поспешно)
Всепресвятейший, ждать не мог я чести
Тебе несть о большим счастьи вести,
Чем та, какой я восхищен,
В твоем присутствии умлен:
Счет в счет, уплачено все полно,
Ростовщики стоят безмолвно,
Покинут мной подсобный ад,
В раю я не был бы так рад.

ПОЛКОВОДЕЦ (следует быстро)
Войском все сделаны уплаты,
Вновь завербованы солдаты,
Landsknechty вновь в крови свежо,
Шпицкам и девкам хорошо.

ИМПЕРАТОР
Как грудь у вас вольнее дышет,
Лицо опять довольством пышет,
Как ведро вы сюда вошли!

КАЗНАЧЕЙ (который приближается)
Спроси их, как дела прошли.

ФАУСТ
Докладывать есть канцлерово дело.

КАНЦЛЕР (медленно подходит)
На старости мне радость подоспела.
Всмотритеся: судьбой чреват листок,
Что горе обратить в веселье смог.
(Читает)
«Да знает каждый, кто бы ни был он,
Кром в тысячу билет сей оценен.
Как обеспечение, должно счесть
Все клады, что в империсих землях есть,
И меры взяты, чтобы каждый клад,
Чуть будет он добыт, шел для уплат».

ИМПЕРАТОР
Я вижу преступленье, злой подлог!
Подделать подпись кесаря кто мог?
Ужель злодей избегнет наказанья?

КАЗНАЧЕЙ
Припомни! Сам ты подписал воззванье,
Сегодня в ночь, Великий Пан, ты ждал,
А канцлер с нами так тебе сказал:
«Достань себе на пиро наслажденье,
Чернил пером, народу дай спасенье».
Черкнул ты; подпись повторили в ночь
Тысячекратно мастера, точь в точь.
Чтоб в благе всем участвовать всеюду,
Отгинули мы знаков тотчас груду,
Их десять, двадцать, сорок, много сот,
Ты не поверишь, как счастлив народ.
Взгляни на город свой, полмертвый прежде,
Как все живет, кипит в слепой надежде!
Хоть именем твоим все дорожат,
Всяк зрять его теперь особо рад.
Мир много букв из азбуки забудет,
Лишь этим знаком каждый счастлив будет.

ИМПЕРАТОР
И люди золотом считают вздор,
Берут в уплату и войска и двор?
Что ж, надо согласиться, как ни чудно.

КАСТЕЛЯН
Вернуть назад летучих было в труд но;
Как молния, они вездо летят,
Дома меняя растворены стоят.
Листочки ими на столбы манят
Размножены, с уступкой — сколь нет,
В стол мчатся хлебни, мясника, трактира.
Другие щеголь спешат; и вот
Отрежет парочник, портной сошьет.
По потребам тебе «ливаты» всюду.
Там жарят, варят, так гремят посудой.

МЕФИСТОФЕЛЬ
Кто по террасам прогуляться рад,
Красавиц разодетых встретить ряд;
Прикрыв глаза павлиньим опахалом,
Смеются нам, следят за добрым малым;
Без напители, шуток иль речей,
Любовный торг нападится скорей.
Возиться с кошельками иль кисетом?
Листок легко запрятать за корсетом,
С письмом любовным рядом положить;
Пет унесет, в молитвенник сокрыв,
Солдат, чтоб жить ничем не беспокоясь,
На поясице облегчает пояс...
Но, государь, прости; день большим
Себе позволил сесть на пустяки я.

ФАУСТ
Богатства немечатные во мгле,
Глубоко скрытые в твоей земле,
Лежат бесплодно. Ширь любых не знаний
Для тех сокровищ—сужденные грани;
Фантазии отважнейший полет,
Граница их, предела не найдет;
Лишь духи в ним возносятся превычно,
Что в безграничность верят безграничны.

МЕФИСТОФЕЛЬ
Жемчуги, золото — листок вместим
С удобством; знает всяк, что получим.
Не нужно торговаться, приценяться,
Чтоб всласть вином и пасной наслаждаться.
Металла ждешь—к ростовщику ступай,
А нет его—намножко попросай.
Бомагы, цепи в акции вместишь ты
И тем бумажки эти погасишь ты.
Насмешники, кто бранит нас дерзко,
стих,
Привыкнув к ним, не захотят других.
В империи всем станет, без натяжек,
Довольна вместо золота бумажек...

Перевод ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА

Из литературной истории

Во второй половине XVIII в. первым посредниками между русской и немецкой литературой были, понятному, те молодые люди, которые в конце шестидесятых годов по распоряжению Екатерины II были отправлены для образования в Лейпцигский университет. Из среды этих молодых людей вышел О. П. Козодавлев — первый русский переводчик Гете, напечатавший в 1780 г. [illegible], в 1781 г. появились на русском языке и «Страсти молодого Вертера», имевшие громадный успех. «Драматический словарь» 1787 г., первый известный деятель русского просвещения Н. И. Новиков, упоминая трагедию «Клавиго», называет ее автора одним из светил новейшей драмы, а «Вертера» определяет как «отличную книгу, похваляемую всюду».

Первые переводы двух юношеских произведений Гете появились как раз в то время, когда у нас стал намечаться переход от нежного, почти исключительного, или, по крайней мере, господствующего, французского влияния к влиянию английскому и немецкому. Центром этого движения было основанное Новиковым в Москве Ученое дружеское общество, членом которого (1785—1789) состоял и молодой Н. М. Карамзин, будущий глава нового литературного направления.

Много лет спустя Гете заинтересовался литературной деятельностью Карамзина, уже известного писателя. В августе 1827 г., уже после смерти автора «Бедной Лизы», канцлер фон Мюллер выпросил у приехавшего в Веймар А. И. Тургенева автограф Карамзина для Гете. Все симпатии Карамзина были на стороне произведений молодого Гете. Он высоко ценил «Вертера» и, создавая на русской почве сентиментальную повесть («Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь» и др.), руководился примером своего немецкого предшественника.

С Жуковского начинается ряд русских писателей, стремившихся войти в личные сношения с Гете. В. А. Жуковский, исповедовавший из карамзинского сентиментализма и романтизму, был первым талантливым переводчиком и подражателем гетевской лирики. Впервые с 1809 г., он отчасти перевел, отчасти написал до двадцати стихотворений Гете. Осенью 1821 г. в Веле состоялось первое и мимолетное свидание Жуковского с Гете; после свидания оба поэта обменялись сердечными письмами. Второе свидание поэтов и на более продолжительный срок состоялось в Веймаре в 1827 г.

Жуковский утверждал, что «Гете и Шиллер образовали его».

В двадцатых годах XIX в. Веймар Гете так же привлекал к себе паломников, как и в XVIII в. Первой большой литературной величиной, с которой познакомился Гете, а в начале нашего века — Белинский и Толстой. Много было и русских посетителей в Веймаре. Прежде всего надлежит назвать друга Жуковского А. И. Тургенева, который был в Веймаре в 1805, 1825 и 1829 гг. В «Письмах из Дрездена», помещенных в «Московском телеграфе» в 1827 г., он писал: «Гете — истинный представитель не одной только поэзии немецкой, но всей германской цивилизации. Он живое выражение всей их интеллектуальной самостоятельности более, чем Шекспир английской, и Вольтер французской, ибо он выражает немецкий и в поэзии, и в учености, и в чувстве, и в философии, действует на них, и через них на всю европейскую литературу, служит вместе и верным, всеобъемлющим зеркалом германизма, какого он сам есть создание».

В двадцатых годах прошлого века «Московский вестник», издававшийся с 1827 по 1830 г. под редакцией М. П. Погодина, был главным органом русских гетеанцев. В первой же книжке его был помещен портрет Гете работы В. С. Мальцева, по которым следовали: первые опубликованные отрывки из «Бориса Годунова» Пушкина («Ночь. Келья в Чудовом монастыре») и «Монолог фаустов в пещере» из Гете. Такое соседство не было случайным: если Цицианов был издателем альманахов и альбомистом журнала, то Гете был для него одним из главных литературных авторитетов и руководителей в обосновании новой поэтики. У Гете «Московский вестник» учился любовью познавать классическую древность, изучая с этой целью два отрывка из статьи Гете о «Винкельмане». Прочие статьи из Гете заимствованы рассуждения «О дружбе», «Об изящном», «Разговор об истине и правдоподобии в искусстве».

Другой журнал «Московский телеграф», издававшийся (1825—1834) Н. А. Полевым, был преимущественно проводником французского романтизма, но и он не чужался Гете. На его страницах были помещены: «Отрывок из записок Гете», «Письмо Гете о Байроне». «Монолог из второй трагедии «Фигелия в Тавриде» и несколько стихотворений. В статье «О сочинениях А. С. Пушкина» (1833) Полевой мимоходом подчеркивает всего более универсализм и всеобъемлемость Гете: «Гете всего лучше покажет вам ширь Германии: он все — классицизм и Восток, Испания и Англия, трагедия и естествознание, роман и журнал, песня и критическая статья. Фауст и Вильгельм Мейстер, Вертер и Герман и Доротея, переводчик Вольтерова Магомета и стихотворений Свадьи, — Гете все заключил в себе, все обнял и все сказал».

Как было сказано выше, вдохновителем «Московского вестника», этого лейб-органа русских гетеанцев, был не кто иной, как сам Пушкин. Этим фактом уже определяется отношение Пушкина к великому немецкому поэту. Когда на страницах этого журнала было напечатано письмо Гете к Борхарду, Пушкин писал Погодину 1 июля 1825 г.: «Должно терпением, добросовестностью, благодарностью», особенно настойчиво призывать ожидания истинных друзей словесности и вообще великого Гете — честь и слава нашему Шекспиру! Вы прекрасно сделали, что напечатали письмо нашего германского Патриарха». Воспитанный, как и Гете, на французской литературе, Пушкин однако, был с юности окружен людьми, тяготевшими к немецкой поэзии. Такими были, прежде всего, Жуковский, Ал. Тургенев, а затем товарищи его по лицею — Дельвиг и Кюхельбекер. О любви раннем знакомстве Пушкина с произведениями Гете свидетельствует сохранившийся в женевских его записных набросок, похожий на программу к пьесе «Фауст и Мефистофель». В 1821 г. эпиграфом для «Кавказского пленника» он выбирает цитату из «Прометея в тексте: «Ich habe Thränen mir vergossen». Вскоре он пишет сжатое «Демон» (1823), в котором намечен отголоски образа Мефистофеля. В стихотворении «К Пущину» (посвященный Вяземским Гаспаром русского поэта на состязание с Гете. Как бы ответом на этот призыв явился «Сцена из Фауста» (1825), воспринятая в себе разговор Фауста с Мефистофелем на берегу моря. По мнению тогдашней критики в лице Полевого («Московский телеграф» 1833 г.) этот отрывок «Гете мог бы вместить в свое бессмертное создание, и его не отличили в ряду картин, составляющих эту чудную эпопею нашего века германского».

Поэты школы Пушкина (как ближайшие его сподвижники, принадлежавшие к его плеяде, так и более поздние эпигоны) сохраняют такое же благоговейное отношение к Гете. Среди них нужно назвать прежде всего Баратынского, который в стихотворении «На смерть Гете» (1833) дал изумительную характеристику почившего поэта, как бы суммируя [illegible], сложившиеся о нем в русских литературных кругах. По замечательно силе лирического таланта, по сжатой выразительности и пронизновенной энергии стиха ближе всего к Гете Ф. И. Тютчев, зятя которого чувствуешь себя постоянно в гетевской атмосфере. Гетевское влияние чувствуется в лирике Фета, который дал прекрасные переводы «Германа и Доротеи», обеих частей «Фауста» и многих стихотворений. А. К. Толстой был у Гете в Веймаре двенадцатилетним мальчиком. «От этого посещения, — рассказывает он в своей автобиографии, — у меня сохранились в памяти следующие черты. Гете и [illegible] у него сидел на коленях». Ему мы обязаны превосходными переводами «Коринфской невесты» и «Бога и баядерки». В лирике своей, сочетающей внутренние переживания с картинами природы, он часто напоминает Гете.

Наконец, поэты-символисты конца XIX и начала XX в., воспитывавшие на себе сильное влияние Тютчева, Фета и его преклонение перед Гете. Особенно глубоким знатоком немецкого поэта явился Вячеслав Иванов, давший, между прочим, великолепный перевод «Прометея». Валерий Брюсов с своей стороны обогатил нашу литературу замечательным переводом обеих частей «Фауста».

Трудно проследить влияние Гете на наших знаменитых романистах. Тургенев был горячим почитателем Гете и превосходно знал его творчество. Он следовал и переводчиком, и толкователем Гете, и в повести «Фауст» прекрасно отобразил то впечатление, которое эта трагедия производила в русском обществе. Страстное было отношение Достоевского, мировоззрение которого пронизывало сознание с идеем идей Гете. Тем не менее, в «Бесах», «Подростке», «Братьях Карамазовых» и «Дневнике писателя» он слегка затрагивает фаустовские мотивы. Толстой читал Гете очень внимательно. Его дневники пестрят отметками о чтении различных произведений Гете. В 1862 г. свой педагогический журнал «Ясная Поляна» он снабжает эпиграфом из «Фауста». Однако Толстой безусловно восхищался только «Германом и Доротеей», но был невысокого мнения об его драмах и предпочитал драме Шиллера. «Не люблю его (Гете) самоуверенного пластического», писал он в 1891 г.

Но взгляд Толстого на Гете — созерцание исключение в русской литературе, которая на протяжении почти ста лет не переставала из произведений великого немецкого писателя самую живописную пищу.

Академик М. Н. РОЗАНОВ

Иоганна Вольфганга Гете 1932

РОМЕН РОЛЛАН

„Умирай и созидайся"

Мы помещаем отрывок из новой статьи Р. Роллана о Гете (статья полностью печатается в „Красной Нови"). Этот отрывок представляет интерес для характеристики взглядов самого Ромена Роллана на Гете,—в творчестве последнего Роллан особо отмечает страстное стремление об'ективно познать действительность.

Но творчество Гете противоречиво. Упорство в познании об'ективной истины было у Гете ограничено условиями эпохи и класса.

Подлинно и до конца бесстрашным в борьбе за истину может быть только пролетарское искусство, искусство социализма.

Оно создается, критически перерабатывая весь культурный опыт, накопленный человечеством, и в процессе этой переработки оно многому будет учиться у Гете.

Дух Гете уже давно оставил позади тех, кто достиг высшей ступени — той, где «больше не знают наций, где ощущают радость и горе других народов, как свое собственное». Никто с большей ясностью не высказывал в интимном кругу отвращения к духу розни, противному духу истины. «Патриотизм,—говорит он,—разрушает историю».

Но тело его, его индивидуальная личность прикована к часу и месту человеческой эволюции, которые избрал не он. И если такова его историческая судьба, он должен ей покориться. Он связан обязательствами в отношении своего народа. Юные безумцы 1813 г. обвиняли его в измене последним. Это несправедливо. Никто серьезнее его не относился к ним. Пространная беседа его с Луденом в ноябре 1813 г. излагает положение во всей его широте и искренности. Эти юноши желали бы вовлечь его в насильственные действия, в освободительную войну. Но Гете отказывается. После продолжительного молчания он говорит:

«Не считайте меня равнодушным... Германия дорога также и моему сердцу. Я часто испытывал горькое страдание при мысли о германском народе, столь достойном уважения в отдельных личностях и столь жалком в общем. Сравнение германского народа с другими внушает тягостные чувства, которые я стараюсь преодолеть всеми возможными средствами: и в науке, и в искусстве я нашел те крылья, которые могут вознести нас над этим, ибо наука и искусство принадлежат всему миру, и перед ними исчезают преграды национальностей. Но доставляемое ими утешение — жалкое утешение; оно не заменяет гордого сознания, что принадлежишь к великому, сильному народу, внушающему страх и уважение. Единственная утешительная мысль этого порядка — это вера в будущее Германии; я исповедую эту веру с не меньшей стойкостью, чем вы. Да, германский народ обещает, он имеет будущность. Судьбы немцев еще не достигли завершения... Но глаз человека не может предвидеть времени и случая, и силы человеческие не могут их ускорить... Нам лично пока остается только следующее: пусть каждый соответственно своим способностям, своему призванию и положению работает над воспитанием нашего народа, укрепляя и развивая его во всех направлениях, вверх и вниз, чтобы он не отставал от других народов, чтобы хотя бы в этом шел вперед, чтобы дух его не изнемогал, но оставался свежим и бодрым, чтобы он не отчаивался, не впадал в малодушие, но оказался готовым ко всякому великому деянию, когда придет день славы».

«Однако,—продолжает он,—что касается настоящего, то надо здраво смотреть на положение. Допуская наиболее благоприятную гипотезу — полное поражение наполеоновских войск,—что из этого последует? Вы говорите о пробуждении, о возрождении германского народа. Думаете, что этот народ больше не даст у себя отнять то, что завоюет дорогой ценой своей крови, т. е. свободу? Но пробужден ли действительно этот народ? Знает ли он, чего хочет? Имеете ли вы обыкновение сохранять каждый день на его место в последовательности дней, видеть каждый человеческий процесс и судить о нем не под знаком вечности, а под знаком вечного осуществления? Или вы забыли великолепные слова честного венского филистера, кричавшего соседу: «Французы ушли, комнаты приведены в порядок, можно теперь приходить русским?». Сон был чересчур глубок для того, чтобы самое сильное потрясение могло так скоро возвратить сознание. Разве всякое движение является обязательно и восстанием, движением вверх? Вы говорите: свобода?.. Скажите: освобождение,—и не от иноземного ига вообще, но от ига одного из иноземных народов. Довольно! Не станем больше об этом говорить».

И Луден, чересчур взволнованный, чтобы записать конец этого разговора, говорит, что проникся тогда глубоким убеждением, что жестоко ошибаются те, кто обвиняет Гете в равнодушии к несчастью и благополучию, к стыду и славе отчизны. «Его молчание перед великими событиями и неопределенными переговорами того времени было не что иное, как скорбная покорность, к которой должно было привести в его положении его точное понимание людей и событий[2].

Вся общественная деятельность Гете объясняется в настоящем этим принципом стоического реализма без иллюзий: «Я знаю, что могу и чего не могу, и хочу только того, что могу».

Но за пределами железного кольца настоящей судьбы разве мысль Гете не уносилась беспрестанно вдаль? Гете не заключается и никогда целиком не заключался в веймарском Гете 1813 г. Имеется совершенно иной Гете. Это тот, который «беспрестанно стремится ко всему», тот, который «сам все»[3]. Если его действия ограничены рамками дня, нельзя сказать того же о его мысли; она приобрела обыкновение сохранять каждый день на его место в последовательности дней[4], видеть каждый человеческий процесс и судить о нем не под знаком вечности, а под знаком вечного осуществления.

Итак, хотя его выбор общественного или политического образа действий (или положения) уже сделан для настоящего, из этого, однако, вовсе не следует, чтобы он не допускал совершенно другого выбора либо для иного момента истории, либо для иного лица. Тот сфинкс, который в ответ на обращение к нему Генри Крабб Робинсона по поводу разногласия между герцогом и студентами — на волосок от восстания,—холодно отвечает: «Каждый прав со своей точки зрения, правы обе стороны, герцог как монарх, студенты как студенты»[5],—этот сфинкс немок, с горделивыми века сомкнутыми глазами, всегда готов отказаться от своей точки зрения веймарского Гете, чтобы принять точку зрения другого, если она того стоит. Отсюда его кажущиеся колеблющиеся мысли относительно таких важных политических вопросов, как революция. Он скажет сперва:

«Мне ненавистна всякая революция, потому что она разрушает не меньше благ, чем их создает»[6].

И вслед затем: **«Мне вовсе не нравится мания сомнения: я сочувствую прямому восстанию против неправой власти. Тяжелая может процветать в продолжение веков без какого-либо ущерба для темного и тупого народа, которому было бы еще хуже без нее. Но в конце концов, когда истинное становится нужным для удовлетворения несомненных наших потребностей, пусть падает кто хочет направо и налево, меня это не испугает... Я буду только наблюдать со всем возможным вниманием, какую приобрету перспективу, когда будет убран старый забор»[7].**

От никогда не боится противоположностей. Что ему претит, так это ни то, ни сё, недомолвки, компромиссы. **«Я прекрасно могу себе представить самого себя,—говорил он,—в противоположных системах, но никак не в половинчатых»[8].**

И определяя свою позицию по отношению к революциям:

«Если бы я имел несчастье,—говорит он,—быть вынужденным примкнуть к оппозиции, я скорее участвовал бы в восстании и революции, чем согласился бы вращаться в темных кругах вечного порицания того, что установлено. Я никогда в жизни не мог вести бесполезной оппозиции против всесильного потока масс или господствующего принципа»[9].

Нет, сильные ненависти, социальные взрывы, являющиеся естественными силами, ему не страшны.

«Я очень рад сознавать, что есть вещи, которые мне ненавистны, ибо ничто так не пагубно для духа, как представление, что все хорошо так, как оно есть: это гибель всякого истинного чувства».

Праведное, истина — вот пробный камень. Относительно этого Гете никогда не колебался. Другие, как например, Толстой, гений сердца, не уравновешенного равной силой разума, колеблются в вечном между любовью и истиной. Но Гете — нет. Если истина жжет, тем хуже — тем лучше! На то она и огонь.

«Я предпочитаю вредную истину полезному заблуждению: истина исцеляет страдание, быть может, причиненное ею»[10].

«Вредная истина полезна потому, что может вредить лишь минутно и ведет вслед затем к другим истинам, которые будут все полезнее и полезнее, тогда как полезное заблуждение вредно тем, что может служить только минутно и ведет к другим заблуждениям, которые будут все более и более вредными»[11].

Он повторяет эту мысль двадцать раз, и сто раз мы встречаем у него верноподданное поклонение, пылкое, безусловное и абсолютное, которое он повергает к стопам владычицы своей — истины. Я приведу два категорических примера:

«Первое и последнее, чего требуют от гения, это любви к истине».

«Все нравственные законы и правила сводятся к единому: истина». [12]

Гете — тот писатель, который никогда не лгал. И эта почти единственная в своем роде уместная честность и придает всему его творчеству устрашающую серьезность,—я говорю: устрашающую, несмотря на все его изящество, всю его ясность, какие бывают у напоенного светом неба. Ровный свет без метеоров и миражей. Поэзия без поддельных алмазов и мишуры, без риторики, без игры слов. Это мощное тело с мощными потребностями знает цену физическим удовольствиям и умеет смеяться со старыми друзьями за столом, перед бутылкой бургундского, или в постели красивой женщины. Но дух его в том, что он творит, в том, что он ищет,—смеется редко. Он неизменно напряжен в усилии, дабы искать истину и служить ей.

Между тем истина в том, что будет, никогда не в том, что умерло и осталось позади. Потому-то его мысль и воля всегда направлены к восходящему солнцу. Веймарский Гете может держаться его на месте, возвещая о нем. Но Гете-Фауст идет к нему навстречу и отзывается его у ночи. Не он ли сказал бессмертное слово умирающего Фауста:

«Лишь тот достоин свободы и жизни, кто должен ежедневно их завоевывать».

И это слово — наше знамя.

Продвигаться, падать, подниматься, действовать, работать, творить, бороться, служить, — и наконец, быть разрушенным — для того, чтобы начать сначала.

«Умирай и созидайся» — человек, народ, мир, мировая монада-хризалида!

РОМЭН РОЛЛАН

Конец декабря 1931 г.

¹ Последняя часть статьи Р. Роллана, печатающейся в журнале «Красная новь».

² Ноябрь 1813 г.

³ «Стремись беспрестанно ко всему и, если ты не можешь сам быть всем, примкни к таковому, как полезный член» («Мысли»).

⁴ «Каждой из нелепостей дня не следовало бы никогда не противопоставлять ничего иного, кроме великих общих картин мировой истории» («Афоризмы»).

⁵ Май 1804 г.

⁶ 27 апреля 1825 г. — Эккерману.

⁷ 10 января 1820 г. — Шульцу.

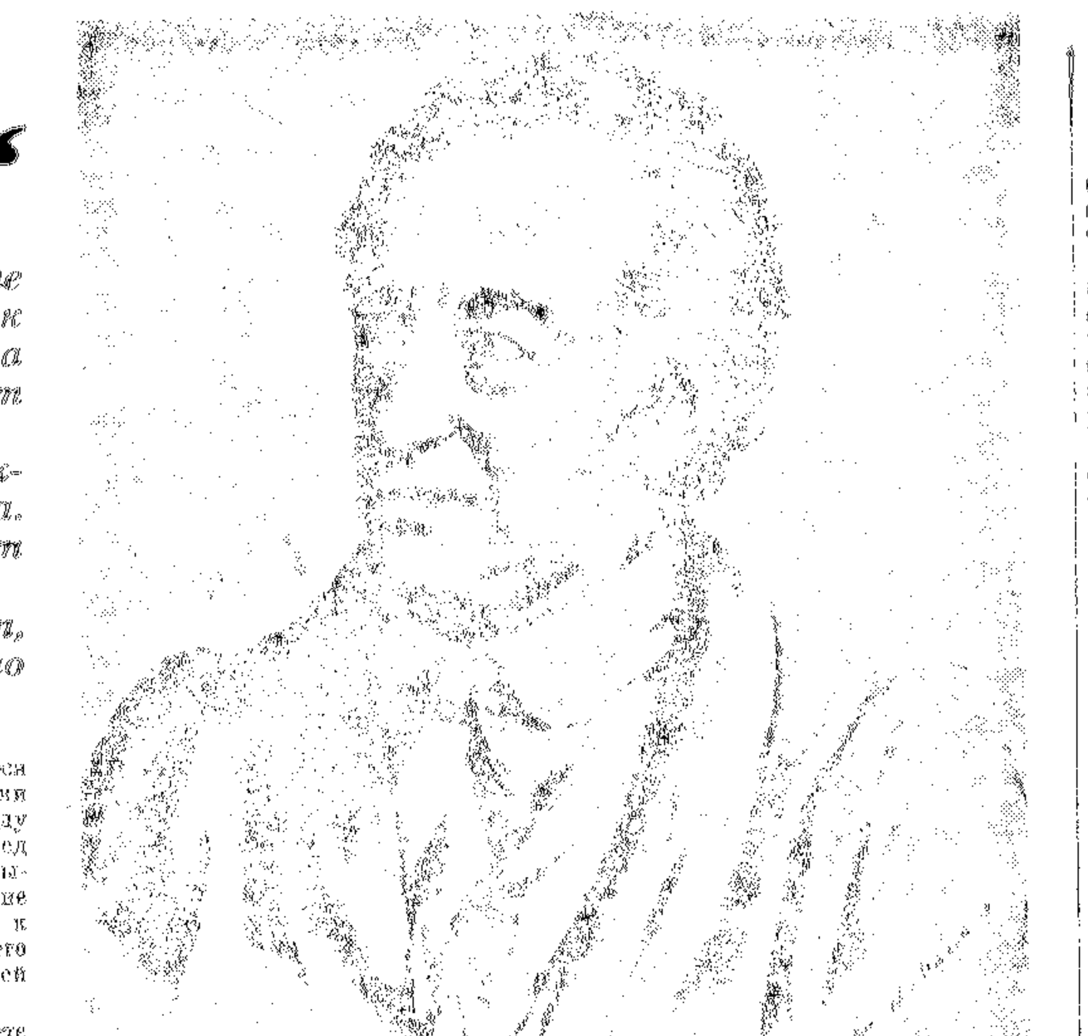
⁸ 14 июля 1819 г. — Мюллеру и Майеру.

⁹ «Истина — светильник, но устрашающий; мы проходим мимо мигая и дрожим обжечься».

¹⁰ Стихотворения.

¹¹ 8 июня 1787 г.— г-же Штейн.

¹² «Афоризмы».



Портрет работы русского художника И. Мальцева (1928 г.)

Рабочая комната молодого Гете в отцовском доме во Франкфурте на Майне

Юбилейное издание

В ознаменование столетия со дня смерти Гете ГИХЛ предприняло выпуск юбилейного издания собрания сочинений Гете в тринадцати томах.

Старые издания Гете на русском языке не могут уже удовлетворить советского читателя как по своему составу, так и по технике перевода и идеологическому истолкованию. Кроме того и эти старые тома изданий Гете давно уже стали библиографической редкостью, и советский читатель, не владеющий немецким языком, фактически лишен возможности ознакомиться с творчеством великого поэта и мыслителя. Тем более необходимо новое, по возможности полное издание сочинений Гете на русском языке.

Общая редакция юбилейного издания — Л. Б. Каменев, А. В. Луначарский и М. Н. Розанов.

В ОТНОШЕНИИ ПОЛНОТЫ СОВЕТСКОЕ ИЗДАНИЕ ДАЛЕКО ОСТАВЛЯЕТ ЗА СОБОЙ ПРЕЖНИЕ ИЗДАНИЯ И ВКЛЮЧАЕТ В СЕБЯ ОГРОМНОЕ КОЛИЧЕСТВО НИКОГДА НЕ ПЕРЕВОДИВШИХСЯ НА РУССКИЙ ЯЗЫК ПРОИЗВЕДЕНИЙ (главным образом: лирика, письма и дневники, научные и критические произведения; достаточно указать, что в первый том издания входит 444 стихотворения, впервые переведенные на русский язык).

За очень немногими исключениями большинство произведений Гете печатается в новых переводах.

13 ТОМОВ

Юбилейное издание сочинений Гете будет состоять из 13 томов.

Том первый. Лирика. Вступительная статья и комментарии А. Г. Габричевского. Редакция А. Г. Габричевского и С. В. Шервинского. Этот сборник содержит в себе 731 стихотворение; из них 444 переведены на русский язык впервые, 259 даны в новых переводах и 28 — в старых.

Том второй. Юношеские пьесы и юмористические поэмы. Статьи, комментарии и редакция А. Г. Габричевского.

Оба эти тома выходят из печати к столетию со дня смерти Гете — 22 марта. К этому же дню ГИХЛ выпускает из печати отдельным изданием «Фауст» Гете (1-я часть) в переводе В. Брюсова и в ближайшее время — брошюру Ф. П. Шиллера «О Гете» (историко-литературный очерк).

Том третий. Пьесы в прозе (Гец фон Берлихинген, Клавиго, Стелла, Торжество чувствительности, Брат и сестра, Рыбачка, Эгмонт, Великий Кофта, Пари, Мятежные). Статьи, комментарии и редакция ак. М. Н. Розанова.

Том четвертый. Пьесы в стихах (Ифигения в Тавриде, Эльпенор, Торквато Тассо, Побочная дочь, Пробуждение Эпименида, Пандора). Статьи, комментарии и редакция ак. М. Н. Розанова.

Том пятый. Фауст (со статьями ак. А. В. Луначарского и ак. М. Н. Розанова), комментарии и редакция ак. М. Н. Розанова.

Том шестой. Романы и новеллы (Страдания молодого Вертера, Письма из Швейцарии, Беседы немецких эмигрантов, Сказка, Хорошие женщины, Избирательное сродство, Новелла). Статья проф. П. С. Когана; комментарии и редакция М. А. Петровского.

Том седьмой. Годы учения Вильгельма Мейстера. Со статьями проф. П. С. Когана и М. А. Петровского; комментарии и редакция М. А. Петровского.

Том восьмой. Годы странствий Вильгельма Мейстера (Со статьей проф. П. С. Когана), комментарии и редакция М. А. Петровского.

Том девятый. Поэзия и правда, ч. I. (Со статьями Л. Б. Каменева и проф. В. М. Жирмунского), комментарии и редакция проф. В. М. Жирмунского.

Том десятый. Поэзия и правда, ч. 2. Критические статьи. Статьи, комментарии и редакция проф. В. М. Жирмунского и А. Г. Габричевского.

Том одиннадцатый. Путешествие в Италию. Статьи, комментарии и редакция проф. В. М. Жирмунского.

Том двенадцатый. Автобиографические произведения. Статьи, комментарии и редакция Б. О. Шишмаревского.

Том тринадцатый. Научные произведения. Статьи, комментарии и редакция ак. В. И. Вернадского и М. Левина.

Большинство произведений Гете, вошедших в настоящее издание, переведены заново; многие переведены на русский язык впервые. Произведения Гете переводят 23 переводчика. В издании дается 40—50 портретов, факсимиле и рисунков; многие факсимиле воспроизводят неопубликованные автографы Гете.

Цена отдельного тома 8—9 рублей (в зависимости от об'ема).

Вокс к юбилейным дням

Всесоюзное общество культурной связи с заграницей проводит ряд мероприятий в ознаменование столетия со дня смерти Гете.

26 марта в Колонном зале Дома союзов ВОКС устраивает торжественный вечер, на который приглашаются широкие советские круги и находящиеся в Москве иностранцы.

Торжественное заседание откроется вступительным словом председателя ВОКС **Ф. Н. Петрова.** С докладом на тему **«Гете и мировая литература»** выступит акад. **М. Н. Розанов.** Слово о Гете в отражении музыкального творчества скажет проф. **Е. М. Браудо.**

В большом концерте примут участие нар. арт. **А. В. Нежданова**, нар. артист **В. И. Качалов**, заслуж. арт. **Н. А. Обухова**, заслуж. арт. **К. Г. Держинская**, проф. **К. Н. Игумнов**, артист Большого театра **Н. С. Козловский** и арт. II МХТ **В. Л. Юренева.** Новые переводы произведений Гете прочтут **О. В. Гзовская** и **В. Г. Гайдаров.** Симфоническим оркестром Радиоцентра под управлением проф. **Н. С. Голованова** будут исполнены: «Эгмонт» Бетховена и увертюра «Фауст» Вагнера.

ВОКС принимает участие в организации и открытии выставки, посвященной Гете в Музее книги при Всесоюзной публичной библиотеке им. Ленина. Открытие состоится **28 марта.**

В журнале ВОКС, издаваемом на немецком, английском и французском языках, будут помещены статьи виднейших советских авторов, посвященные творчеству Гете и его изучению в СССР. В отдельной статье будут подведены итоги юбилейным дням Гете в Советском союзе.

Гете и театр

Государственная театральная библиотека при Малом театре организовала выставку к столетию со дня смерти Гете. Основной материал выставки посвящен теме «Гете и театр».

На выставке имеются литературные материалы, освещающие работу Гете по театру. Дано много иллюстраций и отзывов о постановках произведений Гете на оперной и драматической сцене («Фауст», «Эгмонт», «Вертер») в немецких, французских и русских театрах с 1802 по 1928 г. Кроме того дана серия больших иллюстраций художника Вильгельма Каульбаха «Женщины Гете».

На выставке имеется ряд книг из собраний сочинений Гете, переведенных на русский язык, начиная с 1870 по 1893 г.; «Фауст» в различных переводах, начиная с 1838 по 1907 г., и т. д.

Ф. П. ШИЛЛЕР

ГЕТЕ и СОВРЕМЕННОСТЬ

Тридцать три года назад Франц Меринг писал по поводу стопятидесятилетия со дня рождения Гете: «Как все остальное в человеческом обществе, так и празднества чествования памяти находятся в связи с историческим развитием, из которого их нельзя произвольно выделить. Это очень похвальное чувство уважения, которое заставляет в настоящее время, когда приближается стопятидесятилетие со дня рождения Гете, всех в Германии готовиться «чествовать» величайшего гения немецкой литературы, и мы были бы последними, которые заклеймили это чувство насмешливыми циничными фразами. Среди столь же важных, как и многочисленных, обыденных праздностей, которыми чествует официальная Германия своих официальных деятелей, гетевское составляет изумительное исключение. Нечего, конечно, и думать о том, что гетевское торжество вызовет такой же шум, как и шиллеровское торжество 1859»[1].

Эти слова Меринга, справедливые в оценке чествования Гете германской буржуазией в 1899 г., совершенно неприменимы к готовящемуся сейчас не только в Германии, но и во всем капиталистическом мире празднованию столетия смерти Гете.

Одна из характерных черт, отличающая этот юбилей от прежних, — это его чрезвычайно ярко подчеркнутый международно-буржуазный характер. Мы не говорим уже о самой Германии или, например, об Австрии, в которой официальным правительственным декретом [illegible] день 22 марта.

Французское министерство народного просвещения предписало всем школам [illegible] этот юбилей в соответствующей [illegible]; Муссолини в честь Гете учреждает в Риме специальный Институт культуры германских народов, в котором, нужно надеяться, фашистская мысль [illegible] и другие фашистские профессора, [illegible] Гете [illegible] первоначального фашизма, как это было сделано осенью 1931 г. во время празднования столетия со дня смерти Гегеля. Империалистическая Франция, где буржуазия во время войны считала Гете чуть ли не [illegible] варварства, [illegible]

тах, Японии, Швейцарии, Испании и т. д.

Почему же празднование столетия со дня рождения этого величайшего мирового писателя буржуазного класса в 1849 г. прошло незаметно не только за границей, но даже в самой Германии? Почему пятидесятилетие со дня его смерти (1882 г.) также не наделало много шума и даже стопятидесятилетие со дня его рождения (1899 г.) можно назвать лишь прелюдией к празднованию 1932 г.? Причины этих перемен нужно искать в развитии капиталистического общества за последние десятилетия.

Во второй половине XIX в., когда буржуазия уже превратилась из класса революционного, прогрессивного в реакционно-регрессивный, из боязни перед растущим пролетариатом заключила союз с реакцией, перестала интересоваться идеалами своего революционного восшествия и вместо [illegible] научного исследования [illegible] «храм на бирже» (Энгельс) — в это время буржуазию Гете мало занимал.

К концу XIX в., когда германская буржуазия оказалась лицом к лицу с сильным, организованным рабочим классом, она в угоду своим классовым интересам все сильнее «перерабатывает» творчество Гете [illegible], выбрасывает из него прогрессивно-революционные элементы и «обрабатывает» его [illegible] элементы [illegible]. Но эта обработка граничит с фальсификацией. [illegible] философии на мировоззрение Гете, [illegible] превратили его в [illegible], романтика-[illegible], мистика и даже спирита — в буржуазной критике уже в 90 — 90 гг.

Среди буржуазии уже в 1899 г. раздавались голоса, призывающие «вернуть Гете» к классовому «перемирию», к прекращению классовой борьбы [illegible].

В настоящее время, когда капиталистическое общество находится в углубляющемся экономическом и [illegible] кризисе, из которого загнивающая буржуазия старается найти выход путем фашистской диктатуры и всеобщего террора, направленного против пролетариата, [illegible] И вот [illegible] уже давно является опорой фашизма, [illegible] хочет найти опору [illegible]

Различные фракции германского фашизма «обрабатывают» наследство Гете в целях «оправдания» фашистской государственности, провозглашают писателя в «прообраз немецкого духа», в трубача национал-шовинистическо-гитлеровского фашизма.

Попытки, в массе буржуазной юбилейной литературы о Гете нет недостатка и в гуманистических и пацифистских [illegible]. Основной [illegible] смысл «возврата к Гете» для буржуазии заключается в противопоставлении «обработанного» в реакционном духе мировоззрения Гете мировоззрению пролетариата, марксизму — ленинизму.

Разговоры о гуманизме и сотрудничестве народов в связи с юбилеем Гете играют определенную социальную функцию, их назначение — скрыть [illegible] смысл капиталистических противоречий и затуманить умы широких масс трудящихся. Небезынтересно вспомнить, что во время мировой войны германские империалисты объявляли Гете [illegible] «немецкого духа» национализма, а французские империалисты провозгласили Гете родоначальником «германского варварства», противопоставив ему «гуманистические» идеалы французской «цивилизации». [illegible]

II

В самой «обработке» литературного наследства Гете современная буржуазия делает особенно сильное ударение на [illegible] его творчества. [illegible] го, как в «Ифигении» и вообще во время итальянского путешествия; он восстает против него, как Гец, Прометей и Фауст, осыпает его горькой усмешкой Мефистофеля. Или он, напротив, дружит с ним, примиряется с ним, как в большинстве его зрелых Ксений и во многих прозаических произведениях, прославляет его, как в «Маскараде», защищает его от напирающего на него исторического движения, особенно во всех произведениях, где он говорит о французской революции... В чем постоянно происходит борьба между гениальным поэтом, которому убожество окружающей его среды внушало отвращение, и опасливым сыном франкфуртского патриция, либо веймарским тайным советником, который видит себя вынужденным заключать с ним перемирие и привыкнуть к нему. Так Гете то колоссально велик, то мелочен, то это непокорный, насмешливый, презирающий мир гений, то осторожный, всем довольный, узкий филистер[2].

Протест молодого Гете как идеолога умеренного, среднего, городского бюргерства выражался в абстрактных философско-религиозных формах («Прометей», «Магомет», «Пра-Фауст»). Романтизированное, аналогичному молодого Шиллера противопоставит разумность молодого Гете, изображающего в бунтаре «Гец фон Берлихинген» и в крайне предпосылочном, сентиментально-пессимистическом романе «Страдания молодого Вертера».

Разочаровавшись в возможности изменения немецкого общественного строя, [illegible] ределяя и становится сторонником постепенной его перестройки путем эволюции и реформ.

Примиряясь с феодальным строем, Гете, однако, не являлся феодальным писателем. Черты немецкой бюргерской мысли, вытекающие из неразвитости буржуазного общества Германии тех времен, накладывают на мировоззрение и художественное творчество Гете определенный отпечаток и об'ясняют нам противоречие и «борьбу двух душ» в этом мировоззрении, ибо, как пишет Энгельс, «Гегель был немец и подобно своему современнику Гете порядочный филистер. Гегель, как и Гете, был в своей области настоящий Зевс-олимпиец, но ни тот, ни другой не могли вполне отделаться от духа немецкого филистерства»[3].

Обе стороны мировоззрения Гете — регрессивно-филистерское и прогрессивно-бюргерское — очень наглядно выявляются и в его отношении к великой французской революции. Приветствовав ее вначале, как все идеологи «третьего сословия» в Германии (как Кант, Гегель, Гердер, Клопшток, Шиллер и т. д.), он резко отворачивается от нее, когда к власти приходят якобинцы. За исключением фрагмента «Мятежники» все его произведения о французской революции направлены против нее, защищают немецкий мещанский мир, идеализируют его, противопоставляют его «разрушению» (особенно в «Германе и Доротее»). Это свое отношение Гете меняет, когда власть захватила умеренная буржуазия. И то обстоятельство, что Гете был не только немецким филистером, но по своей идеологии прежде всего и европейским умеренным буржуа, об'ясняет нам его почитание Наполеона и отрицательное отношение к так называемым освободительным войнам 1813 — 1815 гг. И если буржуазная критика помимо множества других легенд создала также и легенду о том, что Гете написал в «Пробуждении Эпименида» хвалебную поэму по поводу победы союзников, то стоит только внимательно вчитаться в эту вещь, чтобы убедиться в том, что эта поэма — завуалированная сатира на победу европейской реакции над Наполеоном. И если современный фашизм хочет превратить Гете в «национального патриота» и «вождя национальной немецкой нации», то как раз позиция поэта в 1813 — 1815 гг. показывает, насколько он был космополитом. «Вообще, — говорит Гете, — национальная ненависть странная вещь. На низших ступенях образованности она проявляется особенно сильно и горячо. Но существует ступень, где она вполне исчезает и где чувствуешь счастье или горе соседнего народа так же, как и свое собственное. Эта ступень соответствовала моей натуре, и я укреплялся на ней задолго до того, как мне стукнуло 60»[4].

Но в то же время Гете был далек от понимания революции как движения широких масс; после «бури и натиска» он до конца жизни защищал реформу сверху, а не снизу, и в эволюции — не революции — общества руководящую роль отводил не массам, а гению, и не политическим партиям как массовым движениям, а «героям».

Свое мировоззрение после примирения с современным ему обществом Гете сам называл «умеренным либерализмом». Основной тенденцией этого мировоззрения была непоколебимая вера в силу и неудержимый прогресс научного познания, в необходимость овладения техникой, покорения природы и усиленного развития производительных сил капиталистического общества. В «Фаусте» Гете создал наисовершенный тип борца за высвобождение сил природы на службу капитализма и руководителя промышленно-технического предприятия. «Действие все» и «в начале было действие» — говорит Фауст. Радость предпринимателя-капиталиста, покоряющего силы природы, философия активизма и бесконечной веры в прогресс — вот сущность мировоззрения старого Гете.

Конечный вывод мудрости земной:
Лишь тот достоин жизни и свободы,
Кто каждый день за них идет в бой!

III

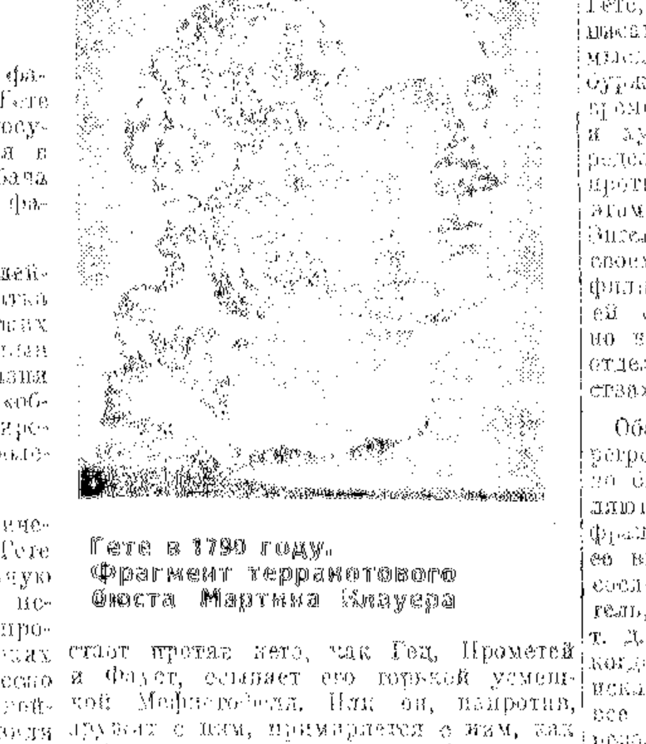
Но между развитием буржуазии времени «Фауста» и современным капитализмом лежит период расцвета и упадка буржуазного общества. Сегодня буржуазия устами своих пессимистических философов, вроде Шпенглера, твердит о том, что ей надоело «фаустовское мышление». Современная буржуазия выискивает регрессивно-отсталые элементы в творчестве Гете. Дело в том, что создатель «Фауста» жил и творил в эпоху, когда не только промышленный капитализм совершал свое экономическое и политическое восшествие, но когда как неизбежный продукт этого прогресса разлагался старый ремесленный строй. Гете понимал классы преимущественно еще в виде старой политической формы сословий и диференциации, и социальные категории он устанавливает еще на базе ремесла и разделения труда, как то особенно явствует из его консервативного романа «Вильгельм Мейстер» и его педагогических воззрений. Об этих отсталых тенденциях мировоззрения Гете Энгельс пишет: «Во времена Гете цеховой строй уже разрушался, конкуренция прорывалась со всех сторон. Гете как настоящий обыватель в меру своих мемуаров... предается дунерадостным жалобам по поводу начинающегося падения мещанства, разорения состоятельных семей, связанного с этим развала семейной жизни, ослабления домашних связей и прочих мещанских прелестей, которые в цивилизованных странах встречают презрение»[5].

Если, таким образом, весь шум, поднятый международной буржуазией вокруг празднования столетия смерти Гете, носит ярко выраженный реакционный характер и является буржуазной фальсификацией исторического Гете, то марксистско-ленинская критика не рассматривает и величайших гениев буржуазной литературы «вне времени и пространства», а исследует историко-классовую обусловленность их творчества. Она не сплетает легенд вокруг имени Гете, а наоборот, высвобождает его от легенд, устанавливает как прогрессивные, так и регрессивные стороны его мировоззрения и творчества. Она определяет то историческое место, которое он занимает в общем развитии человеческого общества, и ставит вопрос о критическом использовании литературного наследства его пролетариатом в духе Маркса и Ленина. Метод использования наследства Гете современной буржуазией напоминает тот метод, который в свое время применял Пуаль Барт в своей книге об истории философии и о которой Энгельс пишет в письме к К. Шмидту от 1 июля 1891 года: «Человек, который судит о каждом философе не по тому прочному, прогрессивному, что было в его деятельности, но по тому, что было необходимо преходящим, реакционным... такой человек лучше бы молчал». Современная буржуазия лучше бы молчала, ибо наследником Гете не может быть реакционно упадочнический класс, стремящийся не «вперед» и не «ввысь» — любимые лозунги Гете, — а назад и вниз.

Историческим наследником Гете является рабочий класс.

Буржуазно-реалистический метод Гете в основном сложился на догегелевской эволюционной теории. Но этот писатель тем не менее — гигантская фигура в общем развитии буржуазно-реалистического мировоззрения.

Пролетариат празднует столетие со дня смерти Гете не под знаком мистификации его творчества и восхваления в нем того, «что было необходимо преходящим, реакционным», а «по тому ценному, прогрессивному, что было в его деятельности». Это два метода подхода к литературному наследству прошлого, соответствующие двум мирам: миру заката капитализма и миру строящегося социализма.



Гете в 1790 году.
Фрагмент терракотового бюста Мартина Клауэра

¹ Ф. Меринг «Мировая литература и пролетариат». Москва, 1925, стр. 120.

². Маркс и Энгельс. Сочинения, т. V, стр. 142.

³. Ф. Энгельс «Л. Фейербах», Москва, 1928, стр 36.

⁴. «Разговоры Гете», собранные Эккерманом, СПБ 1891, ч. II, стр. 266.

⁵. Маркс и Энгельс, Сочинения т. [illegible] стр. 157.

Дадим встречный план

Писательская и рабочая общественность обсуждает темпланы ГИХЛ

Составленный ГИХЛ тематический план на 1932 г. обсуждался на ряде производственных конференций ГИХЛ и собраний рабочей и писательской общественности. В течение последних дней темплан ГИХЛ был всесторонне обсужден на расширенном заседании коллегии Литературно-библиографического института ОГИЗ, на пленуме рабочего редсовета ГИХЛ (15 марта) и на объединенном заседании исполбюро ФОСП, правлений издательств — ГИХЛ и «Федерация» (20 марта).

К сожалению, не все еще писатели осознали, что успешная работа издательств в немалой степени зависит от их активного практического участия в ней. Многие писатели не сочли нужным проявить участие в обсуждении темпланов ГИХЛ и «Федерации». Лишь 3—4 писателя явились на заседание пленума рабочего редсовета ГИХЛ совместо с литконсультантами, а на расширенном заседании исполбюро ФОСП также многие видные писатели отсутствовали.

*

Безусловно положительным явлением следует признать попытку ГИХЛ впервые составить задание художественной литературы на год вперед. Темплан ГИХЛ в основном правильно отражает современные задачи социалистического строительства и ставит задачу борьбы за повышение идейно-художественного качества художественной литературы, задачу организации писательских кадров вокруг ГИХЛ и помощи в творческой деятельности писателям. Это отметили писатели на всех трех собраниях по темплану.

Вместе с тем план ГИХЛ имеет много недочетов, которые требуют исправления. Писатели и рабочие-ударники имеют справедливые упреки ГИХЛ в том, что составленный план недостаточно конкретен, в нем чувствуется некоторый самотек, случайность в подборе книг разных авторов. По целому ряду важных проблем нет точного определения тем книг и не указаны авторы. Многие темы, например, по индустриальному сектору, сформулированы чересчур общо и расплывчато (например: легкая промышленность, кино в СССР, лаборатория и т. д.). Один из больших недостатков — весь раздел: «Художественная литература для начинающего читателя». Здесь полная обезличка и авторов и тем. ГИХЛ просто обещает дать «5—10 произведений лучших современных писателей, обработанных для начинающего читателя», причем на всю эту литературу для многих миллионов начинающих читателей ГИХЛ уделяет... 23 авторских листа с стотысячным тиражем.

— В то время как на всех сериях для начинающих читателей ГИХЛ выделил на 10 книжек только 23 авторских листа, на издание одной только книги Андрея Белого предоставлено 35 листов,— справедливо отметил рабочий т. Бессмертных.

Рабочие-ударники, приглашенные в литературу, резко критиковали ГИХЛ за то, что издательство мало работает с начинающим рабочим-автором, не помогает его идейно-творческому росту; издательство должно выбрать лучшие произведения рабочих-ударников и включить их в свой темплан; надо обсудить план на предприятиях; надо включить в темплан издание книги о творчестве ударников и популярной критической литературы для ударников (рабочие тт. Новиков и Демин).

Недостатком составленного темплана ГИХЛ является и то, что он является только планом издания произведений писателей Москвы, не включает произведения ленинградских писателей и провинциальных авторов. Это происходит потому, что ГИХЛ не имеет творческих планов писателей.

В резолюции Критико - библиографического института по докладу главного редактора ГИХЛ т. Колпинского о темплане ГИХЛ на 1932 г. указано до 20 конкретных произведений, к изданию которых ГИХЛ должен отнестись с большой осторожностью и пересмотреть вопрос о выпуске некоторых из них.

**

На расширенном заседании исполбюро ФОСП, обсуждавшем темплан ГИХЛ и «Федерации», большинство писателей, говоря о плане ГИХЛ, к сожалению, не останавливались на отдельных произведениях, включенных в темплан, не говорили о том, правильно ли по линии руководства ГИХЛ, имея в издании в этом году именно этих авторов, выдвинули своего встречного плана издательству. Только один из выступавших (т. Шувалов) обещал от имени РОПКП выдвинуть встречный план ГИХЛ.

Но все же ряд критических замечаний был сделан.

Случайный характер в составлении темплана ГИХЛ особенно чувствуется в разделе «творчество народов СССР». Из него совершенно выпала белорусская и грузинская литература. Будет издана только одна книга украинского писателя (Р. Азарх).

Также довольно бессистемно составлен раздел иностранной современной литературы (т. Зусманович).

Далеко несовершенен план изданий сектора искусств.

Выражено мнение издание пьес [illegible] Ал. Толстого, Вс. Иванова, Н. Погодина, Л. Леонова и др. должно быть передано ГИХЛ и Всероскомдраму (т. Россовский).

ГИХЛ должен последовать примеру издательства «Федерация», заключившей на 50.000 рублей договоров по работе над актуальными произведениями в 1932—33 гг. Надо мобилизовать писательскую общественность на борьбу за бумагу.

Писательская общественность должна бороться и казенным отношением авторов к работе в издательстве. Литорганизации должны взять ответственность за выделенных в редколлегии сектора ГИХЛ писателей (О. Колесникова).

Исполбюро ФОСП решило выдвинуть свой встречный план ГИХЛ и обсудить его во всех литорганизациях.

А. КР—ОВ

Смотр молодежной литературы

„В плену у своих „героев"

О людях далекой тайги, живущих ее особыми законами и обычаями, сохранивших в сегодняшнем быту черты далекого прошлого своих предков, написано в русской литературе не мало. Даже в послеоктябрьской крестьянской, а теперь и пролетарско-колхозной литературе о «таежном» человеке — старообрядце Севера, алтайском кержаке и промысловике-охотнике создалась целая литература. Достаточно напомнить «Чалкан» и «Когти» Н. Пермитина, «Лешаговы» П. Чацкого и др.

Об этом не мало писали и писатели, представляющие в первые годы Октябрьской революции правое крыло крестьянской литературы, а теперь «сбрасывание» свою идеологию в отчетливую систему кулацких баллов. Мы говорим о писателях типа Клюева, Клычкова и др.

Естественно, что кулацкая литература с особой любовью отмечала и хранила дорогой для нее облик патриархальщины, достоинными с ее бешеной реакционностью. Увлечение кулацких писателей показом кондовой, бомбомольной Руси было особой формой борьбы с нарождающимся новым.

Об этом же таежном, кондовом Севере написана и «Тайбола» А. Зуева * — небольшая, но яркая повесть о борьбе нового со старым, о трудностях этой борьбы, о ее победах и неудачах.

Как бороться с кулаком, патриархальщиной и дикостью героя повести - партизан, председатель совета, Василий Петрович?

Он борется в одиночку, не опираясь на ближние рабочему классу социальные слои деревни (повесть охватывает первые годы восстановительного периода) и в своей борьбе применяет само вредные методы.

Когда деревня пригласила к себе колдуна, чтобы посоветовать «отпуск» (заговор) от зверя, Василий Петрович, ни слова не сказав мужикам, запрещает колдуну являться в Шуньгу. Но колдун приехал и «отпуск» сделал. Не прочтя ни слова, не пытаясь ни одним намеком разоблачить колдуна, Василий Петрович уходит в лес и, когда колдун, нагруженный подарками, возвращается домой, убивает его.

Утром, опасаясь, что медведь вновь нашалит на стало, Василий Петрович останавливает выгоняемый в поле скот и сопротивляющемуся этому пастуху арестовывает. В опять собравшиеся мужики остаются в неведении, не знают, почему нельзя выпускать стадо в поле. Обозленные мужики жестоко избивают председателя.

Но и это не изменяет тактику партизана. Возвратившись с охоты, где вместе со своим товарищем Аверелычем ему удается убить медведя, он находит на месте деревни пепелище. Убежденный, что деревню поджог кулак Еникеев, Василий Петрович убивает его на глазах обезумевшей деревни. Обозленные мужики пытаются устроить самосуд над председателем, но, сдерживаемые вовремя Аверелычем, ограничиваются арестом.

Такова цепь явно ошибочных действий партизана, очищающего в прошлом Север от белых банд, но теперь неспособного вести за собой одну деревню, ее бедняцкую часть. Василий Петрович действует неприятельски, «по-партизански», обстоятельно укрепляя понятия врага.

А. Зуев сумел дать яркий художественный тип, сумел правильно, исходя из логики образ анархиста-партизана, объяснить его поступки. Но основная ошибка Зуева в том, что он «уничтожил» своего героя, оставив его до конца одиночкой.

Ошибка автора особенно ярко выступает на фоне классового облика деревни Шуньги. Шуньга показана сильно богатой, крепкой в своем «единстве» и неприступной. И лишь у Зуева около «кожаного крыльца», и народ там «весь на подбор», «дружный, смирный», «каждый равняет свою жизнь по соседу». Деревня в социальном разрезе почти не дана.

Став на путь показа старого, религиозно-патриархального уклада, совершенно правильно стремясь не преуменьшить его силы сопротивления, А. Зуев оказался отчасти во власти этого уклада, не противопоставив ему идущего нового. Ясно, что приход революции в тайгу автор мог по-настоящему дать только на фоне сильного социального конфликта, не между одиночками, а между социальными группами. Показывая же Шуньгу «единодушием», автор исключил для себя эту возможность. Естественно, что он должен был искать для себя другой путь. Он его нашел, путь оказался ошибочным.

Путь, избранный автором, — это выдавание молодежи как главной опоры в борьбе за нов. У Зуева в целом ряде мест, а особенно в конце, старики и молодежь противопоставлены. Совершенно верное утверждение, что в кержацких заимках и вообще в таежных деревнях революционная роль молодежи особенно велика, превращено здесь в некий закон.

Особенно ярко сказалось противопоставление молодежи старикам в заключительных эпизодах «Тайболы». Деревня сгорела. Мужики приговорены безысходностью и наглядными событиями (убийство Еникея Василием Петровичем и поучительная самосуд). И тут Аверелыч выдвигает идею создания артели.

И когда намечается борьба за артель, автор настаивает на том, что старик (вообще) не подходит «для такого дела», что у стариков (вообще) «сердца от злобы тяжелые».

Противопоставление стариков молодежи, недостаточное умение автора видеть за действиями отдельных своих героев интересы определенных социально-имущественных групп деревни — второй, важнейший идеологический срыв А. Зуева в его «Тайболе».

Положительное значение «Тайболы» в том, что она дает яркое представление о бытовых устоях старой северной деревни. Зуев сумел сочетать хорошее знание Шуньги с ярким художественным языком показа ее.

Однако пролетарско-колхозный писатель должен не только объяснить действительность, но и способствовать революционному ее изменению. Этому основному требованию «Тайбола» удовлетворить не может. Воспитывая читателя в духе ненависти к старому и его активным носителям, «Тайбола» наносит явно неприемлемые методы изменения этой действительности, борьбы с ней. Способы борьбы, примененные Василием Петровичем, неприемлемы. Они вредны.

Попытка А. Зуева художественно осудить эти методы не удалась.

Н. ОСТРОГОРСКИЙ

* А. Зуев, «Тайбола», ГИХЛ, Новинки пролетарско-колхозной литературы, 1931, стр. 116.

ВОЛЯ К ТРУДУ

Живые люди класса — вот что является основным содержанием книжки очерков Л. Шипилина * — токаря завода «Серп и молот». Рост нового человека — упорного, смелого, с большим размахом; передается человеческого материала в ходе за план; производственный рост так рост сознания, умения и культуры — вот что лежит в основе очерков Л. Шипилина. Именно поэтому у него становится не только отдельные люди, но и завод в целом.

«Наш завод — сорокалетний старик, омолаживаемый свежей горячей большевистской кровью, сроднуется с молодым советским заводом, первенцем пятилетки, АМО».

Показ напряженной «воли к труду», показ огромной «решимости выполнить план», показ того, что производственный план есть «живая, практическая деятельность» людей — в этом положительное качество книжки Л. Шипилина.

Из крупнейших ее недостатков является отсутствие показа умения «работать по-ленински». Часть условий т. Шипилина из книжки выпали.

В согласии со всей установкой (показ борьбы и практики рабочего коллектива) Шипилин уделяет большое внимание вопросам перековки человека. Он рассказывает о Недрубаеве, превратившемся из пьяницы и гуляки в одного из лучших формовщиков и в организатора бригадной работы. Читатель книжки ясно ощущает, что борьба за план есть в то же время борьба за человека.

Шипилин дает волнующие рассказы о залах, о бронзе, о фабзайцах, о великолепном учебном комбинате «Серпа и молота», об энтузиастах рабочего быта, о взлете скрытых творческих в людях — иногда прямой «обжорке», — с типическом питании. Шипилин рассказывает, как уборщица стал закрытым распределителем и как 70 работниц от стойки перешли к прилавку советской торговли.

Шипилин рассказывает о красноармейцах «Серпа и молота»: Гладышеве и знаменитом Мокрове.

Но несмотря на все богатство содержания книжка не поднимается до уровня художественно-законченных очерков. Известная бедность, конечно, слабость литературной техники и, главным образом, неправильности в творческом методе, которые в основном выражаются в недостаточной глубине охвата явлений.

Язык быстров строг и скуп, и вместе с тем он иногда становится монотонным, иногда прорывается излишней манерностью. Эпитеты, характеристики, портреты поверхностны. Такие характеристики-прилагательные, как «подвижный и живой директор Стеналюм», «веселый, энергичный Колька», «спокойно-уверенный главный инженер», или такие эпитеты, как «мудрые законы физики и неизбежные теоремы и формулы», — все это не что иное как первые попавшиеся под руку штампы. Это — обезличенные определения, слово-украшалочка, это — нужно общего, но не типического в данном предмете или человеке. Особенно неудачно и фальшиво звучат такие расплывчатые определения, когда речь идет об ударнике, о показе лучших.

У Шипилина «печь выворачивает нервные внутренности... металл — это красные и желтые змеи», «лебедки хищно выпускают свои острые когти», «болванка... вытягивается и ползет... удлиненной окрыленной змеей».

Подобные образы фальшивы не только потому, что «окровавленных змей» не бывает, но еще и потому (это — основное), что такое восприятие обычного завода упирается в эстетику прошлого. Это — остатки ужаса перед машиной, перед подчиненностью заводу. Это — поэтика социальной беспомощности. В пролетарской поэтике надо говорить о дружбе с машиной, о господстве над машинами.

А как показывается человек?

«И вот копится у почерневших опок, изучает стержневые премудрости лучших формовщик цеха Иван Павлович. Его неказистая, маленькая фигурка теряется в груде багровых моделей и серых опок. Его невзрачные, выцветшие глаза беспокойно щупают вылизанный решетчатый каркас для стержня»...

Маленький испуганный человечишка перед лицом заводской необъятности....

Может быть, у Ивана Павловича действительно несчастная фигура. Но разве это столь важно? Разве показать живого ударника значит сказать, например, что у него кривой нос? Живой образ ударника — это не фотография, а показ того, почему он является лучшим.

Перед Шипилиным стоит задача дальнейшего творческого совершенствования. Главное, за что приходится сейчас бороться ударникам в литературе,— это овладение марксистско-ленинским методом в показе нашей изумительной действительности.

КАБИНЕТ УДАРНИКА МАПП

* Л. ШИПИЛИН, «Крепче стали». ГИХЛ, 1931, тир. 10.000, стр. 104, ц. 90 к.

Творчество молодых локафовцев

МосЛОКАФ, правда с опозданием, начал смотр молодежной локафовской литературы. Сегодня специальная критическая бригада МосЛОКАФ, состоящая даже обзора из книги Ф. Кравчина «На разбое», И. Молчанова — «Восстание молодости», И. Рахилло — «Счастливый город», Сапрыкина — «Особая Дальневосточная», А. Избаха — «Винтовка и цветы», Дачана — «Записки дальневосточника», И. Калныня — «Звездный сбор», «Обеспеченка — «Мир свежесть», Колмачева — «Сказочник» и др.

МосЛОКАФ проведет обсуждение этих книг и литературных частей, а также и литкружков фабрик и заводов, шефствующих над частями РККА и входящих в систему профсоюзов, взявших шефство над ЛОКАФ.

Секретариат РАПП о работе журналов

Последнее заседание секретариата РАПП было посвящено докладам рапповских журналов о их перестройке.

К сожалению, доклад редакции журнала «Октябрь» уже во второй раз (доклады журналов были перенесены с прошлого секретариата) пришлось слать из-за неявки докладчика — редактора «Октября» т. Панферова. Это тем более странно, что как отмечали единодушно все товарищи, работа «Октября» имеет собой пример наименьшего учета задач перестройки РАПП.

Секретариат заслушал доклады редакций «На литпосту» (т. Серафимский) и «Рост» (т. Кирьянов).

Оба журнала имеют на последнее время некоторые сдвиги в своей работе: оживление активов при редакциях, кабинет удержка «Рост» и МАПП, начавшие задавать перестройки РАПП и т. д.), однако они еще в совершенно недостаточной степени выполняют свою новую роль сектора секретариата РАПП, в которых сосредоточивается идейно-воспитательная работа: в «На литпосту» по массовой критике, в «Росте» по работе с удержниками. Массовые мероприятия журналов очень слабы, связь и работа с авторами и читателями их развернута, они по-прежнему не удовлетворяют растущих запросов массового литературного движения. Работа журналов показывает, как еще недостаточна перестройка всей РАПП, с какими трудностями она происходит.

На секретариате были отмечены допущенные в журнальных ошибки последних номеров «Рост»: помещение вульгаризаторской литературно-критической новеллой статьи о книжке М. Сверова и политически-ошибочная оценка выступления т. Вейтинской на пленуме правления РАПП, выдвинувшая и сосредоточившая т. Вейтинской с классовым врагом.

Принят постановление об укреплении редколлегии «Рост» и МАПП, прикрепление к журналу большого числа писателей, связанных с Уралом и вообще периферией.

Секретариат поручил комиссии, которой поручено составить резолюцию по докладам, в духе тех принятых сегодня указаний, которые даны по журналам.

Поэтическое совещание РАПП

Секретариатом РАПП установлен окончательный срок созыва всероссийского производственного совещания пролетарских поэтов на 10 апреля.

Повестка дня совещания намечена следующая: творчество ударников (Доклачний т. Сурков); о работе поэтов на предприятии (т. Безыменский); доклад группировки «Ленинград» (т. Саянов); творческие отчеты В. Луговского, А. Гидаша, М. Светлова, М. Исаковского, Чаркасского; об оборонной поэзии (ЛОНАФ); о поэтической критике.

Намечавшееся на 20 марта совещание по «Истории заводов»—отменено.

Больше тысячи партийцев и комсомольцев

Есть поэты, которые считают, что к их работе нет общественного внимания, что со стороны молчат.

— Плохой мало интересуются...

Опровержением таких утверждений явилась и частность вечер, организованный 19 марта Ленинским РК ВКП(б) и районной МАПП.

Больше тысячи партийцев и комсомольцев собралось для обсуждения вопросов комсомольской поэзии. Тов. Колосков (заведующий сектором печати РК ВКП(б) в своем вступительном слове приветствовал собравшихся от имени районной партийной организации. С докладом «Роль поэзии в ленинском воспитании молодежи» выступил т. А. Сурков. Докладчик подробно остановился на роли поэзии в развитии мировой культуры прошлых веков, а также на развитии пролетарской поэзии.

С чтением своих произведений выступали поэты: А. Гидаш, А. Сурков, А. Архангельский, М. Голодный, М. Рабинович, С. Шипачев, Л. Пантелеев, И. Молчалов, Зуров и др.

Обращение рабочих автозавода им. Сталина

Рабочие завода им. Сталина (б. АМО), в связи с началом шефства над Театром им. МОСПС, обратились к драматургам-реалистам с призывом либо отразить отставание советского театра от запросов сегодняшнего дня, либо этого и частности они предложат в качестве одного из объектов работы драматурги свой выбор. Рабочие завода обещают драматургам всякую помощь.

Пьеса о заводе им. Сталина должна быть написана для полнофасного ансамбля Театра МОСПС.

Летние гастроли театров

Сектор искусств Наркомпроса разработал план летних гастролей крупнейших гостеатров Москвы и Ленинграда, предусматривающий посещение индустриальных центров и новостроек.

Малый театр с 1 июня на месяц едет в Одессу. Второй его группа в это же время будет играть при специальном спектакле в Горьковском Парке культуры и отдыха.

МХАТ II с 15 июня по 15 июля выезжает в Одессу.

Театр им. Мейерхольда по возвращении из Ташкента в мае начнет свои спектакли в помещении Малого Хохла. В июле театр будет за границей, в Центральном Парке культуры и отдыха, а с августа по 1 сентября выедет в Одессу.

Студия Малого театра с 12 по 28 мая выедет в Ленинград, где будет выступать в лучших аудиториях, а с 1 июня отправится для обслуживания Кузбасского строительства.

Опорный театр им. К. С. Станиславского с 1 июня по 15 июля будет играть в Ленинграде в двух местах.

Первый Рабочий Московский театр с 25 апреля по 1 сентября сделает серию поездок по маршруту Тифлис — Баку — Харьков — Днепрострой — Киев — Одесса.

Гастроли под руководством Ю. А. Завадского выезжают в поездку с 15 мая по 15 августа по маршруту Полтава — Донбасс — Киев.

Ленинградский, бывший Александрийский театр, проводивший генеральную зимнюю поездку, разъезжает опять по всей стране. Первая группа актеров уже выехала в Харьков, на Магнитострой и Днепрострой, на Кавказ и Крым. Вторая группа в апреле будет гастролировать в Днепропетровске, в Мариуполе и Луганске и в августе в Центральном Парке культуры и отдыха.

В настоящее время заканчивается подписание договоров о гастролях ряда других театров и окончательно уточняется план летних поездок национальных театров.

Кино-хроника

— Киносекция Л. О. Всероскомдрама — проводит конференцию авторов. Межрабкомбюро начинает с 20 Всероскомдрама должно на протяжении двух звуковых спектаклей.

— Ленинградским писателем т. Стельмахом пишется сценарий «Пограничная станция». Тема сценария—пограничный поход.

— Ленинградский режиссер Толмачев читает сценарий киносекции комедии. Цветного оформления на материале работы иностранных рабочих в СССР.

— С ленинградским писателем т. Коломийцем Межрабпомфильм заключил договор на изготовление звукового сценария «Когда не тушат пожара». Тема—аграрный кризис в САСШ.

В группе „Кузница"

В порядке творческого размежевания внутри группы и определения ее состава по принципу действительного участия творческих установок и творческой обусловленности прошедший отсев тех товарищей, которые по существу были связаны с ней в последнее время лишь по именам и традициям прошлого. Количество членов группы в результате уменьшилось приблизительно с 80 до 30 человек.

К числу писателей, которым в дальнейшем предстоит работать уже вне эпохи группы значились, между прочим: Ф. Березовский, А. Новиков-Прибой, П. Низовой, Г. Нерадов, С. Ухтомский и др.

Письмо в редакцию

Не откажите напечатать следующие строки об участии моем в бригадной поездке писателей на Балахнинский бумажный комбинат и об участии моем в книге «Большая Балахна».

Бригада поехала на Балахну весной, и поэтому двенадцать своих, так как был отослан в Москву Театром Красной Армии для работ над своей пьесой. Моему перу в книге «Большая Балахна» принадлежит статья «На прорыв», размером в один печатный лист. Писать книгу я не брался, так как в редакционном совете был и недостаточно хорошо знаю ее и не принимал, так как мой доклад прошел на Тонь-Шаре, а потому, приславши издание книги «Большая Балахна» трубящей политической оглоской, целиком решено общественное мнение, выявленное членами моей книги, в деле благополучного за все и полностью готов отвечать стиль и свою статью «На прорыв». Я не допущен в ни одной строчки, кто напечатан предыдущих десяти книг были первые произведения этого и самой книге шесть месяцев спустя после выхода ее в свет.

Длительным отсутствием из Москвы объясняется и запоздалость этих строк.

С тем приветом

ГЛЕБ АЛЕКСЕЕВ

Редакция отмечает, что в своей брошюре о книге Р. Аронсона — по авторов «Большой Балахны» полностью и от [illegible] своего отношения к обращению С. Подольского, Н. Румянцевой, опубликованному [illegible] номере журнала.

В КЛУБЕ ПИСАТЕЛЕЙ

24 марта, 19 ч. 45 м. — 16-й доклад художественного чтения. Артист Гос. Мал. театра В. Ф. Лебедев.

24 марта, 20 ч. — Творческий вечер драматургии СРЗ. Пьеса т. Могута «Дитя преступления».

26 марта, 18 ч. — В. В. Вересаев—История классовой борьбы.

25 марта, 20 ч. — П. С. Коган — Теория романа.

28 марта, 18 ч. — Заседание московского клуба по смотру молодежной художественной литературы с участием комсомольского актива, писателей, поэтов и критиков. На повестке: итоги обсуждения творчества А. Безыменского, А. Жарновой, М. Колесовой и Барнаульской группы им. «Сталинца».

28 марта, 19 ч. — Немецкая секция МАПП.

27 марта, 18 ч. 45 м. — Вечер поэзии Гете.

27 марта, 19 ч. — Заседание секретариата ЦО ЛОКАФ (совместно с секретариатом и активом МосЛОКАФ. Обсуждение творчества Мата Залка.

27 марта, 18 ч. — С. И. Поволоцкий — Диалектический материализм.

27 марта, 20 ч. — И. М. Нусинов — Основные проблемы марксистского литературоведения.

29 марта, 19 ч. — Литературное «Кривое зеркало».

28 марта, 18 ч. 45 м. — Вечер «Маяковский и комсомол» с участием тт. Безыменского, Асеева, Третьякова, Брик Катаняна и Светлова. Вступительное слово т. Бубекин (ЦК).

25 марта, 19 ч. 30 м. — Пленум Горького писателей с актом. На повестке: 1) Доклад т. Безыменского о работе писательских бригад на производстве, содокл. т. Арватова о поездках писателей на заводы. 2) О летнем областном слете профессионально-печатных и библиотечных.

28 марта, 19 ч. — Литературное «Кривое зеркало».

ИЗВЕЩЕНИЯ

22 марта 17 ч. в доме Пролет. лит. (ул. Воровского, 50) — вечер памяти Р. Ивановой.

24 марта, 20 ч. — Творческий вечер драматургии СРЗ. Пьеса т. Могута «Дитя преступления».

26 марта, 18 ч. — В. В. Вересаев—История классовой борьбы.

25 марта, 20 ч. — П. С. Коган — Теория романа.

28 марта, 18 ч. — Заседание московского клуба по смотру молодежной художественной литературы с участием комсомольского актива, писателей, поэтов и критиков. На повестке: итоги обсуждения творчества А. Безыменского, А. Жарновой, М. Колесовой и Барнаульской группы им. «Сталинца».

28 марта, 19 ч. — Немецкая секция МАПП.

27 марта, 18 ч. 45 м. — Вечер поэзии Гете.

27 марта, 19 ч. — Заседание секретариата ЦО ЛОКАФ (совместно с секретариатом и активом МосЛОКАФ. Обсуждение творчества Мата Залка.

27 марта, 18 ч. — С. И. Поволоцкий — Диалектический материализм.

27 марта, 20 ч. — И. М. Нусинов — Основные проблемы марксистского литературоведения.

29 марта, 19 ч. — Литературное «Кривое зеркало».

28 марта, 18 ч. 45 м. — Вечер «Маяковский и комсомол» с участием тт. Безыменского, Асеева, Третьякова, Брик Катаняна и Светлова. Вступительное слово т. Бубекин (ЦК).

25 марта, 19 ч. 30 м. — Пленум Горького писателей с актом. На повестке: 1) Доклад т. Безыменского о работе писательских бригад на производстве, содокл. т. Арватова о поездках писателей на заводы. 2) О летнем областном слете профессионально-печатных и библиотечных.

28 марта, 19 ч. — Литературное «Кривое зеркало».

Возобновите немедленно подписку на апрель во избежание перерыва в высылке

Тираж «Литературной газеты» ограничен, а срок времени подписки сокращен. Поспешите сделать подписку на полное срока, установленного местной почтой. Опоздавшая подписка переносится на следующий месяц.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
Москва, Тверской б., 25, Дом Герцена, 3 этаж.
Телефоны
Секретариат 1-73-63.
Отв. редактор 2-80-12.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА:
Журнально-газетное об'единение: Москва, 6, Страстной б., 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1932 Г.
На 12 м.—3 р. 60 к.
На 6 м.—1 р. 80 к.
На 3 м.— — 90 к.

Ответственный редактор: А. СЕЛИВАНОВСКИЙ
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение

НЕ ЗАБУДЬТЕ
ПОДПИСАТЬСЯ
или возобновить подписку
с 1 апреля
на еженедельный журнал теории и практики большевистской печати
„ЖУРНАЛИСТ"
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
12 мес.—3 р., 6 мес.—1 р. 50 к., 3 мес.—3 р. 25 к.
•••
Подписку сдавайте ТОЛЬКО МЕСТНОЙ ПОЧТЕ не позже установленного ею срока. Подписка должна поступить в Москву БЕ 1.3A/WEL 24 МАРТА. Опоздавшая подписка будет исполняться с мая.
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ.

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ КИНОФИЛЬМ,
выпущенных в 1931 году с отзывом Главреперткома и рабочей общественности о каждой кинофильме, дает картотека кинофильм, выпускаемая о-вом «За пролетарское кино и фото» (ОЗПКФ). Комплект 250 аннотаций стоит 12 руб. 50 к. Высылка картотеки производится за полученную полную стоимость комплекта Журнально-газетным об'единением Москва, 6, Страстной бульвар, 11.

Печатается и на-днях выйдет в свет № 3 журнала
СОВЕТСКИЙ ТЕАТР
Содержание:
С. Подольский — Театральная теория А. В. Луначарского и А. В. Афиногенова.
Ю. Либединский — За платформу тов. РАПП.
Н. Анциферов — „Гамлет" в театре им. Вахтангова.
Н. Орунейников — О театрах им. МОСПС и Нов. зрителя (б. Кооп).
Ю. Юзовский — О „знаках препинания".
С. Амаглобели — Выступление на театре.
Ю. Олеша, Б. Ромашов, Р. Пикель М. Россовский — Художник и эпоха.
Журналы и газеты.
С 1 января 1932 года „СОВЕТСКИЙ ТЕАТР" издается ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНЫМ ОБЪЕДИНЕНИЕМ.
ПРОИЗВОДИТСЯ ПРИЕМ ПОДПИСКИ С ТЕКУЩЕГО МЕСЯЦА.
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 12 мес. — 8 р., 6 мес.—4 р., 3 мес.—2 р.
ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР — 75 КОП.
Подписка принимается только почтой не позже установл. ею срока.
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ.

КНИГОТОРГОВОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ
ЗА ПЕРЕСТРОЙКУ РАБОТЫ РАПП
(Серия «Пособия литературному кружку». Выпуск 2).
ГИХЛ. 1932. Стр. 155. Ц. 50 к.
СОДЕРЖАНИЕ: Предисловие Л. Мехлис. — За перестройку работы РАПП. Решение секретариата РАПП. К истории дискуссии: Л. Авербах — На разносном дневника. Е. Лобич — О болезни «взрывания масок». Приложение: И. Овалов — Деловые заключительных речей. С. М. — Старое и новые лозунги. Г. Вальтинский — Создадим произведения, достойные нашей эпохи. За дружную совместную работу с РАПП.
Заказы направлять во все отделения Книготоргового объединения государственных издательств. Иногородние заказы направлять по адресу: Москва, 64, «Книга почтой». Книги высылаются наложенным платежом без задатка.

ПОДПИШИТЕСЬ
(или возобновите подписку)
С АПРЕЛЯ
на еженедельный творческо-методический и научно-технический журнал
„ПРОЛЕТАРСКОЕ ФОТО"
Орган Совэкфото и ОЗПКФ
Подписная цена: журнала „Пролетфото"—12 мес.—7 р., 6 мес.—3 р. 50 к., 3 мес. 1 руб. 75 коп.
ПОДПИСКУ СДАВАЙТЕ только местной почте не позже установл. ею срока.
Подписка должна быть в Москве не позднее 24 МАРТА
Опоздавшая подписка будет исп. с мая.
ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ.

КНИГОТОРГОВОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
Книга — строителям социализма
Издание Критико-библиографического института ОГИЗа, девять самостоятельных бюллетеней по отраслям литературы
№ 1 БЮЛЛЕТЕНЬ **ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА** 17 МАРТА ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ
СОДЕРЖАНИЕ: Ударники-комсомольцы в художественной литературе.—Рабоче-крестьянская литература. — Пользующаяся литература. Исчерпывающая литература. В номере помещено 96 новых книг, в том числе: Асеев «Эстафета». Бедный Д. «Вперед и выше». Бедный Д. «1905 год». Мартынов «Сказка о Емеле». Маяковский «Во весь голос». Маяковский «Для борящихся человек». сборники «Ленин умер». «Ленинский поступок». Трифонов «Обратная сторона». Шишков «Пурга». Шкловский «Житие архипастыря его служебное» и др.
ТРЕБУЙТЕ НОМЕР во всех книжных магазинах и во всех киосках Книгоцентра и Союзпечати.
Цена номера 25 коп.
Всеми отделениями, магазинами, киосками и уполномоченными Книгоцентра, всюду на почте и письмоносцами принимается подписка (с января месяца) на бюллетень «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год — 36 №№ — 7 р., на 6 мес. — 18 №№ — 3 р. 50 к., на 3 мес. — 9 №№ — 1 р. 75 к.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО „НЬЮ-ЙОРК"
ПРИСТУПИЛО К РАСЧЕТАМ ПО ПОЛИСАМ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН
ПО ЖЕЛАНИЮ ПОЛИСОДЕРЖАТЕЛЕЙ 75% СЛЕДУЕМОЙ ИМ СУММЫ БУДУТ ОПЛАЧЕНЫ ОРДЕРАМИ ТОРГСИНА. ПРИЕМ НОВЫХ ПОЛИСОВ ПРОИЗВОДИТСЯ ДО 1 АПРЕЛЯ 1932 г. В А/О КРЕДИТ-БЮРО (ПОМЕЩ. ГОСБАНКА — НЕГЛИННАЯ, 12, ПИСЬМЕННО — ГЛАВНЫЙ ПОЧТАМТ, ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК № 963) КОНТОРАМИ, ОТДЕЛЕНИЯМИ И АГЕНТСТВАМИ ГОСБАНКА И СБЕРКАССАМИ ПО ВСЕМУ СССР.
УПЛАТА ПОЛИСОДЕРЖАТЕЛЯМИ ПОЛИСОВ, ССУДНЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВ И КВИТАНЦИЙ НЕ ПРЕПЯТСТВУЕТ ПОЛУЧЕНИЮ ДЕНЕГ.
ПРОИЗВОДИТСЯ ТАКЖЕ ПРИЕМ ПОЛИСОВ СТРАХОВОГО ОБЩЕСТВА «ЭКВИТЭБЛЬ», С КОТОРЫМ ПРОЦЕСС ЕЩЕ НЕ ЗАКОНЧЕН.
КРОМЕ ТОГО, А/О КРЕДИТ-БЮРО ВЕДЕТ НАСЛЕДСТВЕННЫЕ И ПРЕТЕНЗИОННЫЕ ДЕЛА СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН ВО ВСЕХ СТРАНАХ МИРА.

НЕ ЗАБУДЬТЕ ПОДПИСАТЬСЯ НА СБОРНИК „ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО"
орган РАПП и ГИЛ КОМАКАДЕМИИ „ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО" публикует неизданные материалы и документы по истории литературы и истории общественной мысли. „ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДСТВО" ставит в ближайшие годы задачу систематической плановой разработки истории ПРОЛЕТАРСКОЙ ПЕЧАТИ.
12 мес. — 15 р.; 6 мес. — 7 р. 50 к.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ КОМПЛЕКТОМ с января
Подписку сдавайте только местной почте не позже установленного ею срока—комплект с января мес.
Журнально-газетное объединение Москва, 6, Страстной бульвар, 11 принимает заказы на высылку 3-х книг наложенным платежом за 7 руб. 50 коп.
Переплата за счет Объединения ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ.

Уполном. Главлита В 20366.
Типография газеты „Правда" им. Сталина, Москва, ул. Правды, 24.
Центральная типография им. Мосполиграфа, пр. им. Скворцова-Степанова, д. 3.